

ГЛАВА 6. РАЗВИТИЕ КАМЧАТСКОГО РЫБОКОНСЕРВНОГО ПРОИЗВОДСТВА

На протяжении первых двух веков нахождения в составе России Камчатка не имела промышленных предприятий, производивших товарную продукцию. Первым из них стал рыбоконсервный завод компании «Камчатское торгово-промышленное общество», приступивший к работе летом 1901 г.

6.1. ПЕРВЫЕ РЫБОКОНСЕРВНЫЕ ФАБРИКИ

Консервное дело в России начал Ф. Азибер, демонстрировавший свою продукцию из растительного сырья на выставке садоводства в 1862 г. [1, с. 86]. Пионерами русского рыбоконсервного производства стали И. И. Роман, открывший фабрику в Петербурге в 1877 г., и рижский промышленник Г. И. Герингер. Дело Романа начиналось с 2—3 тыс. руб. годового оборота. Высокое качество товара и хороший спрос на него позволили ему к началу 1880-х гг. увеличить оборот до 40 тыс. руб. в год. В феврале 1887 г. промышленник обратился к Всероссийскому обществу рыбоводства и рыболовства с предложением провести экспертизу качества его продукции, «какое было найдено хорошим и отличным» [2, с. 122].

В 1886 г. Роман открыл отделения своей фабрики в Астрахани и в Кизляре, а в 1889 г. — на черноморском побережье. Его астраханское предприятие готовило мелкую селедку в масле и томате по названию «пильвер». Эти консервы пользовались популярностью в Петербурге и даже вывозились за границу. Если в 1884 г. их выпустили всего 100 «жестянок» (банок), то в 1885 г. — 2 000, в 1896 г. — 4 800, а в 1887 г. — уже около 12 000 [1, с. 3].

На Черном море с 1884 г. работали две консервные фабрики: В. А. Дубинина в Одессе и Вакье в Севастополе. В 1891 г. Дубинин открыл в Одессе вторую фабрику. В это же время начало работать предприятие Е. И. Гуляева в Ростове-на-Дону. Объем отечественного производства был невелик: так, фирма Герингера в Риге в 1889 г. изготовила около 100 тыс. банок, преимущественно шпротов. Но при этом ассортимент продукции включал консервы восемнадцати наименований! [1, с. 17].

В 1893 г. рыбные консервы в России выпускали уже два десятка фабрикантов. Их ежегодный оборот в середине 1890-х гг. достигал

1 млн руб. Наибольшей популярностью пользовались кильки: их выпускали двадцать две фабрики [3, с. 357]. Качество русских рыбных консервов было высоким. По решению экспертной комиссии Всероссийской рыбопромышленной выставки 1892 г. продукция фабрик Романа получила золотую медаль, а он сам «за оказанные услуги развитию консервного дела в России» удостоился «Высочайшей награды — звания личного гражданства».

Значительное количество консервированной рыбы в Россию в конце XIX в. ввозилось из-за рубежа. Сумма поставок за год превышала 1 млн руб., то есть была сопоставима с объемом внутреннего производства. Наиболее крупным экспортером являлись США.

Развитие русской консервной промышленности на Дальнем Востоке обещало широкие перспективы. «Прекрасные качества рыбы могли бы вполне обеспечить сбыт ее в Японию, Китай и даже европейскую Россию; она могла бы вывозиться туда во всех видах: в посоле, в консервах, в виде гуано (тука. — С. Г.); но, к сожалению, вследствие дороговизны рабочих рук и соли, неумения приготовить рыбу впрок и недостатка капиталов, рыба из Приамурского края почти не вывозится и почти весь улов ее потребляется местными жителями, в особенности инородцами, для которых она является главным предметом продовольствия...» [2, с. 306—307].

О том, что дальневосточный лосось может найти неплохой спрос, свидетельствовал вот такой курьезный факт. По сообщению иркутской городской управы, в конце 1870-х гг. один из иностранных купцов увез из Николаевска-на-Амуре в Гамбург несколько бочек соленой кеты и там, «замариновав ее в масле, в герметически закупоренных жестяках весом не более одного фунта, привез на следующий год в Николаевск и продавал по 1 руб. 50 коп. за коробку или 60 руб. за пуд!» [1, с. 17].

Самым восточным отечественным производителем рыбных консервов в начале 1890-х гг. являлась тобольская фабрика Трусова. В ноябре 1893 г. существовали планы открытия аналогичного производства во Владивостоке [3, с. 402]. В 1894 г. оно уже действовало: «В последние годы некоторые иностранные купцы, торгующие в г. Николаевске, начали отправлять амурский рыбный товар и за границу. Во Владивостоке устроили даже завод для приготовления консервов из кеты, вывозимых в Америку» [4, с. 187].

Пионером дальневосточного рыбоконсервного производства стал К. Г. Больман, проведший в начале 1890-х гг. на Амуре опыты по американской технологии — «продукт получился хотя и съедобный, но весьма непривлекательный с виду, и поэтому не развился» [5, с. 58].

На побережье Тихого океана производство лососевых консервов первыми освоили американцы. Вскоре их опыт переняли японцы, а затем и русские. На Аляске, наиболее схожей по природным условиям с русским Дальним Востоком, самый ранний рыбоконсервный завод (РКЗ) появился в 1883 г. На берегу р. Нушагак его возвела фирма Arctic Canning Company. Заводские сооружения размещались в пятнадцати милях от устья реки. На промыслах, ведшихся ставными неводами, работали 50 чел. На самом заводе трудились два десятка специалистов (механик, машинист, кочегары, истопники, бондари и паяльщики банок) и 92 работника-китайца. Обычная производительность предприятия составляла 600 ящ. в сутки, максимально достижимой считалась выработка в 1 200 ящ. Завод и промыслы обслуживали двадцать пять лодок и паровой баркас. Снабжение доставлял специальный пароход, он же вывозил готовую продукцию.

За первым РКЗ последовали другие. Рост масштабов консервного производства на Аляске в 1883—1889 гг. показан в табл. 6.1

Таблица 6.1

Год	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889
Тыс. ящ.	36	45	74,8	120,7	190,2	298,0	675,0

В 1889 г. в США действовали 122 РКЗ, выпустившие за год 1 701 460 ящ. общей стоимостью 9 065 689 долларов. Из этого числа на Аляске работали 36 предприятий, выработавших 675 000 ящ. (то есть 39,7 % суммарного объема) на сумму 3 375 000 долларов (6 750 000 руб.). Всего же за четырнадцать лет от начала производства рыбных консервов в США (1876—1889 гг.) на северном побережье Тихого океана их выпустили 12 493 086 ящ. стоимостью 75 млн долларов. Американская продукция 1893 г. составила 82 639 680 фунтовых банок лососей, то есть 1 721 660 ящ. (Напомним, что в 1867 г. Россия уступила Аляску США за 7,2 млн долларов).

Вначале банки и ящики для упаковки продукции каждый РКЗ собирал самостоятельно на оборудовании, поставленном из Сан-Франциско, но в середине 1890-х гг. было признано более выгодным привозить их на промыслы уже готовыми [6, с. 524—528, 600].

В период между 1870 и 1875 гг. способы производства консервов из США и Франции заимствовала Япония. Начало выпуска японцами консервированного лосося относится к 1877 г., когда в провинции Ишикари на о. Хоккайдо появилась первая экспериментальная фабрика, работавшая по американской технологии. Вслед за ней в последующие годы в разных районах о. Хоккайдо организовались еще несколько консервных заводов [7, с. 58, 61].

Для развертывания массового производства «жестяночных» консервов требовалось решить несколько технических задач, среди которых основными являлись разработка способов массового производства тары, технологии удаления воздуха из банок и их стерилизации, а также защиты жести банок от воздействия содержимого и атмосферы.

Первый патент на консервную банку из жести был выдан в Англии в 1810 г. До 1840 г. их изготавливали вручную при помощи пайки. Доннышки и крышки банок в этот период были плоскими. В середине XIX в. появились гибкие доннышки и крышки с рельефной поверхностью. Их применение позволило снизить давление внутри банок и увеличить их прочность. В начале 1850-х гг. изобрели машину для спайки доннышек и крышек с корпусами банок, а также для склепывания их продольного шва. В 1859 г. возник способ герметичного соединения частей банок посредством двойного закаточного шва. Практическое применение он нашел к 1893 г., когда швы стали уплотнять вначале каучуковыми, а затем резиновыми кольцами.

В 1893 г. отечественный ежегодник «Вестник рыбопромышленности» писал: «Почти во всех крупных заводах в употреблении машины для герметического заделывания круглых коробок без пайки, машины, преимущественно приводимые в действие паровой силой и ускоряющие дело в сто раз по сравнению с ручной работой... Эти коробки изготавливаются специальными фабриками исключительно механическим путем» [3, с. 23]. В России этот способ укупорки первым использовал Леезман, работавший в Ревеле (современный Таллинн).

В марте 1896 г. на московской выставке рыболовства и рыбоводства «как новинку» представляли фабрику, «изготавливающую жестянки для консервов... судя по выставленным образцам и машине, дающей плотную укупорку дна без паяния (такая система за границей в большом ходу...), дело поставлено на широкую ногу...» [8, с. 355].

Многие предприятия продолжали производить тару прежними кустарными способами. В 1892—1893 гг. для одесской фабрики Дубинина их изготавливала мастерская Вальгуха. Каждая упаковка обходилась в 6—12 коп., «смотря по величине и форме». Попав на фабрику, они запаивались в особой мастерской на вращающихся станках, «где эта работа производится весьма тщателью» [3, с. 401; 9, с. 264].

Спустя десятилетие, в 1903 г., появился новый способ герметизации двойного шва с применением жидкого раствора каучука, позволивший полностью механизировать производство доннышек и крышек [10, с. 3—5]. Вслед за этим появилась автоматическая линия по выпуску

консервных банок, совершившая революцию в консервной промышленности. В Японии эту технологию освоили в 1914 г. [7, с. 60].

Для предохранения влияния содержимого банки на жесть при их соприкосновении предлагались различные способы. Так, в США «некто Окель взял привилегию и ввел в употребление особую укупорку консерва, помещаемого в глиняную посуду, а эта последняя — уже в жестянку». Кроме этого, банки изнутри покрывались эмалью [11, с. 203]. Но наибольшее распространение получило лаковое покрытие.

Стерилизовали консервы в 1860—1870-х гг. следующим образом. Заполненные продуктом и запаянные банки до половины погружались на четыре часа в раствор хлористого кальция, нагреваемый до температуры 125—130 °С. Воздух и пар удалялись через небольшие отверстия в крышке, запаиваемые в конце нагрева. Затем банки медленно охлаждались, после чего покрывались защитным слоем асфальтового лака для предохранения от коррозии.

Позже, в 1880-х гг., для этой цели «с большей уверенностью в успехе» стали использовать «паровые котлы», то есть автоклавы, работавшие под давлением. Воздух из горячих банок удалялся путем их прокалывания с последующей немедленной запайкой. Существовал еще один способ его удаления, при котором каждая нагреваемая запаянная банка снабжалась тонкой металлической трубкой, сообщавшейся с вакуум-насосом [1, с. 84, 87].

В начале XX в. технология изготовления натуральных консервов из лосося претерпела существенные изменения: теперь наполненные банки, прошедшие предварительную негерметичную подкатку, направлялись в эксгаустер («паровой ящик»). При этом из них удалялась часть воздуха, что было необходимо для образования после охлаждения вакуума. Банки, проходившие через эксгаустер, в течение нескольких минут прогревались паром с температурой 93—98 °С. Затем они немедленно отправлялись к машинам окончатальной закатки, формировавшим двойной шов, придававший таре герметичность. После этого их стерилизовали в паровых автоклавах и покрывали снаружи лаком.

Практиковавшаяся ранее сборка банок непосредственно на заводах при помощи полуавтоматического оборудования была заменена доставкой в ящиках стандартной готовой тары, собранной на специализированных фабриках. В середине 1930-х гг. машины предварительной закатки и эксгаустеры стали заменяться вакуум-закаточными станками. Это позволило значительно увеличить производительность РКЗ.

6.2. НАЧАЛО РЫБОКОНСЕРВНОГО ПРОИЗВОДСТВА НА КАМЧАТКЕ

Одним из первых отечественных исследователей, обративших внимание на важность производства из лососей именно консервов, как наиболее дорогостоящего и рентабельного вида продукции, был Н. В. Слюнин. Еще в 1895 г. он писал: «Дайте возможность развить рыбные промыслы в широких размерах, имея все данные для этого, устроив вывоз, что очень легко при громадном спросе на рыбную пищу на Востоке, избавьте от гнетущей кабалы настоящей торговли урегулированием ее... и заброшенная Камчатка возродится. Она получит самостоятельную жизнь; не соболю будет давать ей жалкие крохи хлеба, а рыбные консервы обеспечат хороший заработок, создадут экономическое благосостояние жителей и разбудят их от вековой спячки, которая тяготеет над ними» [12, с. 17].

Вскоре после этого были предприняты попытки устройства на полуострове рыбоконсервных заводов. Наиболее ранней из них считается неудачный проект отставного контр-адмирала В. Ивашинцова. В 1896 г. он просил российское правительство сдать ему в монопольную аренду на десять лет р. Авачу с годовой платой, начиная с четвертого года аренды, по 1 000 руб. в год и по 5 коп. за каждый пуд произведенной рыбопродукции.

«Главные основания на отдачу в аренду контр-адмиралу Ивашинцову двух участков земли на берегу Авачинской губы в Камчатке для устройства рыбопромышленных заведений» были утверждены весной 1896 г. В соответствии с ними, военный губернатор Приморской области обязывался предоставить Ивашинцову два участка (около устья р. Паратунки и на м. Сигнальном) площадью до пяти десятин каждый и протяжением по берегу моря не более 500 саженьей (сажень равна 2,13 м). В течение тех лет арендатор обязался устроить на одном участке «промысловое заведение... стоимостью до 100 000 рублей».

По сообщению ежегодника «Вестник рыболовства» за 1896 г., Ивашинцов «организует на восточном берегу Камчатки в заливе лососевый промысел для приготовления жестяночных консервов на манер американских. В этом деле участвует на правах компаньона опытный американский промышленник (Стокс. — С. Г.). Предприятие, без сомнения, весьма солидное и обещает хорошие результаты» [8, с. 446].

Адмирал, собиравший средства на обустройство промыслов в течение трех лет, скончался осенью 1899 г. Его вдова пыталась продолжить дело, но выполнить предъявленное ей правительством требование — начать строительные работы в 1900 г. — не смогла, потеряв полученные привилегии [13, с. 251—252].

Следующим, более успешным опытом, стал построенный по типу аляскинских завод компании «Камчатское торгово-промышленное общество» (КТПО), приступивший к работе летом 1901 г. КТПО стало приемником отечественной фирмы «Русское товарищество котиковых промыслов» (РТКП), первой начавшей на Камчатке рыболовство в промышленном масштабе в 1896 г.

РТКП, основанное в 1891 г. Гринвальдом, Прозоровым, Савичем и Лепешкиным, в 1895 г. «также хлопочет об отдаче им на Камчатском полуострове места для основания рыболовных факторий». Право на аренду было получено, после чего началась промысловая деятельность компании. Вначале она попробовала засаливать чавычу для сбыта в Америке и Европе, «но так как дело это было недостаточно хорошо организовано, то опыты эти не дали благоприятных результатов».

Гораздо удачнее оказались опыты по заготовке лососей сухим японским посолом для Японии. «Способ приготовления этого рода продуктов весьма прост, обходится гораздо дешевле, чем засол по русскому способу, не требуя расходов на устройство ледников, на посуду, укупорку и т. п.; к тому же продукты сухого засола имеют обеспеченный сбыт на японских рынках, а доставка их туда морем обходится весьма недорого». Засолка рыбы быстро расширялась. Если в 1896 г. РТКП заготовило ее 1 050 пудов, в 1897 г. — 20 537, в 1898 г. — 37 897, в 1899 г. — 114 684, то в 1900 г. — уже 152 560 [14, с. 454—455].

Приобретя необходимый опыт в приготовлении соленой продукции, РКТП решило начать производство более ценного товара — лососевых консервов, тука и рыбьего жира. С этой целью в 1897 г. было учреждено КТПО, во главе которого встал А. А. Прозоров. Новая компания располагала капиталом в 1 000 000 золотых руб. [15, с. 79—80].

В начале лета 1899 г. она получила право аренды в Авачинской губе на берегу б. Тарьи двух участков земли общей площадью четыре десятины с протяжением по берегу в 400 саженой сроком на десять лет. Условия аренды были такими же, как и у фирмы «Семенов, Демби и К^о» — пионера отечественной рыбопромышленности на о. Сахалин.

КТПО обязывалось возвести на участках промысловые сооружения стоимостью не менее 40 000 руб. В течение первого года аренды

оно должно было платить в казну пошлины и производить ежегодно не менее 50 000 пудов рыбопродуктов. Кроме этого, арендатор обязывался иметь в течение первых пяти лет не менее 5 % русских рабочих от их общего числа, а во втором пятилетии — не менее 10 %. Управлять предприятием должны были российские подданные. Контракт, заключенный летом 1900 г., составила канцелярия военного губернатора Приморской области [13, с. 253—254].

Первый отечественный камчатский РКЗ, снабженный самым современным по тому времени механическим оборудованием американского производства, располагался неподалеку от Петропавловска. Он мог выпускать в сутки до 800 ящ. консервов, содержавших 38 400 фунтовых банок. Строили завод приглашенные американские и норвежские специалисты, получавшие годовое содержание в 12 тыс. руб. и долю от прибыли. Ими руководил инженер Смит. Из-за отсутствия на Камчатке собственных рабочих, сюда доставили американцев, французов, японцев, шведов и норвежцев.

К концу июля 1901 г. на арендованной территории появились:

- деревянное здание завода, крытое гофрированным железом;
- бараки для рабочих, пригодные для зимнего проживания;
- флигель для служащих с помещениями для обеда и отдыха;
- баня и прачечная.

Предприятие снабжалось рыбой, вылавливаемой заводскими рабочими, а также сдаваемой местным населением. Приемная цена для последнего устанавливалась равной 8 коп. за штуку нерки и 3 коп. — за горбушу. Некоторые жители окрестностей Петропавловска в сезон 1901 г. заработали на заготовке рыбы для завода более сотни рублей, что составляло по тем временам вполне приличную сумму. Рыбный промысел оказался так выгоден, что многие из них говорили о том, что ловить рыбу для завода лучше, чем соболевать.

Процесс производства консервов на заводе КТПО складывался из следующих стадий. Добытую рыбу в кунгасах, буксируемых катерами, доставляли на берег к навесу, под которым ее потрошили и промывали. Обработанный сырец вагонетками с канатной тягой от паровой лебедки поступал в здание завода к резательной машине. Куски рыбы при помощи набивочного станка заполняли жестяные консервные банки, в которые предварительно добавлялись порции соли. Цилиндрические банки фунтовой вместимости (454 г) изготавливались здесь же в мастерской, размещенной на втором этаже заводского здания. Банки, наполненные рыбой, не закатывались как современные, а

запаивались: они катились над желобом, в котором пламенем бензиновых горелок плавилось олово. Воздух к горелкам нагнетал компрессор.

Герметичность баночных швов проверялась их погружением в воду: выходящие пузыри воздуха свидетельствовали о неплотной укупорке. Рамы с проверенными банками устанавливались на вагонетки и вкатывались в четыре печи (автоклава), где в течение полутора часов варились паром под давлением. Сваренные консервы размещались на специальных столах, на которых из банок удалялся воздух. Эта операция считалась наиболее ювелирной и выполнялась мастерами, приглашенными с Аляски. Они «маленькими острыми коническими молоточками начинают пробивать дырочки в каждой крышке коробки; с шумом и свистом выбрасывается из каждой коробки струя пара, а с нею и воздух, а в это время другой рабочий, держа в одной руке кусок свинца (олова. — С.Г.), а в другой — раскаленный паяльник, капает свинцом на отверстие, и как раз в тот момент, когда пар уже вышел. Эта работа очень интересная и исполняется она с замечательной ловкостью и быстротой: глазом не моргнешь, как в коробочке пробита дырка и запаяна» [15, с. 86].

Запаянные банки для защиты от коррозии лакировались погружением в особый чан, промывались, а затем отправлялись в склад, где их охлаждали и упаковывали по 48 шт. в ящики.

Итоги первого сезона работы завода оказались печальны: консервов было приготовлено мало. Причиной этого стали неотрегулированные взаимоотношения между КТПО и государством в лице администрации Приморской области, в которую входила Камчатка. В результате вылов рыбы на арендованных участках оказался втрое ниже необходимого, а стоимость их содержания заметно превысила ожидаемую.

Сложности возникли и с обеспечением предприятия рабочей силой: до постройки завода ловить рыбу разрешалось иностранными рабочими (японцами), имевшими высокую квалификацию и обходившимися достаточно дешево. В ноябре 1899 г. в действие вступили «Временные правила для производства морских промыслов в территориальных водах Приамурского генерал-губернаторства», запрещавшие использовать на рыбных промыслах иностранцев. Камчатка же не располагала достаточным числом местных жителей, способных работать на промыслах, а доставка таковых из России была сложна, сопровождалась серьезными затратами и являлась коммерческим риском.

По мнению А. П. Сильницкого, исследовавшего рыбопромышленный потенциал Камчатки, «разрешение вопросов, связанных с судьбою

и деятельностью завода, имеет особую важность: в судьбе этого завода — судьба благоденствия всей обширной северной окраины, ибо если будет удача камчатскому заводу, заведут заводы и в Охотском крае, и на западном берегу Камчатки. Спрос на рыбу крепнет с каждым годом, и это неисчерпаемое богатство сказанной окраины возместит государству все его затраты, все его жертвы на ее благо, а население окраины обогатится...» [15, с. 94].

КТПО, организуя на Камчатке на собственные средства принципиально новое предприятие, деятельность которого в конечном итоге должна была внести оживление в экономическую жизнь отдаленной российской области, было вправе рассчитывать на государственную поддержку в виде льгот, однако таковой не получило. Завод вскоре был остановлен. Причинами этого, помимо названных выше, стали проблемы, возникшие со сбытом: продвижение русских консервов на американский рынок было затруднено громадным количеством аналогичной продукции, производившейся в США, а азиатские страны — Япония, Корея и Китай — потребляли исключительно соленую рыбу. Кроме этого, РКЗ создавался без предварительной оценки возможности сырьевой базы Авачинской губы, что привело к тому, что он не был в достатке обеспечен сырцом.

Свет на дальнейшую судьбу предприятия проливает доклад исполняющего должность камчатского губернатора В. В. Перфильева, представленный 28 октября 1910 г. в канцелярию приамурского генерал-губернатора. В соответствии с ним, завод произвел всего 10 000 ящ. консервов, «а затем в 1903 г., ввиду недостатка рыбы в Авачинской губе, был закрыт и все машины завода перевезены в Усть-Камчатск, где выстроено для завода новое обширное здание. Здесь завод и не начинал работать и стоит в бездействии вот уже шесть лет. Техника консервного дела за это время, конечно, ушла значительно вперед и оборудование завода теперь оказывается уже устарелым. Между тем... завод этот с переноской и двойными постройками стоит Обществу до полумиллиона рублей. Вот образчики хозяйственности Камчатского Общества... Тем временем в текущем году в Усть-Камчатске открылся уже новый рыбоконсервный завод гг. Бирича и Демби» [16, л. 104].

Предприятие в Усть-Камчатске к работе так и не приступило (одной из причин этого стала гибель в 1902 г. инициатора его создания А. А. Прозорова) и впоследствии было ликвидировано. Одно время его возглавлял С. Грушецкий, позже вошедший в ряд крупнейших отечественных рыбоконсервных фабрикантов.

Участники экспедиции Ф. П. Рябушинского (1908—1909 гг.), побывавшие в Усть-Камчатске, некоторое время проживали в пустом доме, принадлежавшем КТПО, расположенном неподалеку от бездействующего завода [17, с. 23—24].

В. В. Перфильев в целом отрицательно оценивал многолетнюю деятельность КТПО на полуострове, называя его примером крайне неэффективного хозяйствования. «Несмотря на многолетнюю работу, несомненно доставлявшую обществу в прежние годы значительные барыши, Камчатское Общество, единственное учреждение, располагавшее здесь и средствами, и возможностью, ничего не внесло в отдаленную камчатскую окраину культурного, что содействовало бы ее развитию и улучшению быта местного населения, чем обыкновенно сопровождается деятельность всякого крупного капиталистического предприятия».

По его заключению, «трудно ожидать, чтобы и в будущем при такой постановке дела Камчатское Общество внесло какое-нибудь культурное влияние на Камчатский край или содействовало разработке и развитию его естественных богатств. Поэтому, казалось бы, не представляется решительно никаких оснований поддерживать это малоизбранное учреждение новыми льготами и поощрением» [16, л. 105].

Остатки строений первенца камчатской рыбоконсервной индустрии еще долго привлекали к себе внимание путешественников, посещавших окрестности Петропавловска. Они сохранились вплоть до начала 1930-х гг. Губернское бюро РКП(б) в информационном отчете Дальбюро ЦК РКП(б), подготовленном в феврале 1924 г., сообщало: «Невдалеке от Петропавловска (24 версты) в Тарьинской бухте, имеющей выход в океан только через Авачинскую губу, стоит полуразрушенный, когда-то колоссальный для Камчатки, русский рыбоконсервный завод. Восстановить его, по-видимому, невозможно, да и бесцельно, так как Авачинская губа уже не имеет достаточного количества рыбы для обработки на нем» [18, л. 16].

В 1909 г. в устье р. Камчатки в районе Усть-Камчатска началось строительство нового РКЗ и лесопилки. Ссуду под постройку завода дал Русско-Азиатский банк [19, с. 5]. О ходе работ на этих объектах В. В. Перфильев информировал приамурского генерал-губернатора [20, л. 46 об.]. Производство консервов началось здесь в 1910 г.

Суточная производительность завода, принадлежавшего русским предпринимателям А. Г. Демби и Х. П. Биричу, достигала 10 000 банок (208 ящ.). В отчете инспектора рыболовства по восточно-камчатскому

промысловому району за 1926 г. указывается, что «в 1910 г. [в Усть-Камчатске] появились два завода: Цуцуми (японский предприниматель. — С. Г.) и другой, на речном участке Бирича, — завод вновь создвшейся фирмы “Камчатское консервное товарищество”, — во главе коего стоял Демби...» [21, л. 250 об.]. Кроме него, в этом же году на западной Камчатке на речном участке близ Паланы заработало предприятие К. В. Эккермана [22, с. 221]. Всего в 1910 г. отечественные предприятия выработали 9 300 ящ. консервов.

По свидетельству приамурского генерал-губернатора П. Ф. Унтербергера, в 1910 г. на промысле Бирича и консервном заводе часть построек носила временный характер, а капитальное строительство только начиналось. «Завод оборудован машинами, как для выделки консервов, так и жестянок для них. В 1910 г. было заготовлено около 4 000 ящичков консервов из лососевых пород. Из них предполагалось отправить в Австралию 1 500 ящичков, 500 — во Владивосток, 100 — в Петропавловск, а остальные — в Лондон...» [23, с. 304—306]. По некоторым данным, этот завод был оснащен линиями, купленными в Германии. Техническими руководителями предприятия являлись датский и норвежский инженеры Браун и Саген.

Для противодействия японской экономической экспансии российское правительство решило не просто привлечь в охотско-камчатские воды русских промышленников, но и закрепить их здесь. С этой целью 21 июня 1910 г. был принят закон «О порядке отдачи в аренду речных рыболовных участков в Приморской, Камчатской и Сахалинской областях». В соответствии с ним, русско-подданные имели право брать в аренду на срок до двенадцати лет с рыбопромышленной целью все наиболее значительные реки края на льготных условиях [24, л. 3 об.].

Образец контракта на аренду речных рыболовных участков на Камчатке весной 1911 г. разработал Департамент земледелия Главного управления земледелия и землеустройства (ГУЗиЗ) [25, л. 129].

Данным правом воспользовалось товарищество Демби — Бирича, закрепившееся на внеконвенционном участке «Нерпичий». В 1912 г. приамурское Управление государственных имуществ (УГИ) выдало ему разрешение на право лова в р. Камчатке на один сезон. Предприниматели, вложившие в оборудование своих морских промыслов значительные средства, нуждавшиеся в базе для своего предприятия в виде речного участка, весной 1913 г. обратились с ходатайством о сдаче им этого участка в долгосрочную аренду без торгов. Власти их

поддержали: «Со стороны приамурского генерал-губернатора и камчатского губернатора препятствий к этому не встречается».

8 апреля 1913 г., с учетом того, что подобный «долгосрочный» участок был уже выделен С. Грушецкому, УГИ полагало возможным предоставить Демби и Биричу «рыболовный участок на р. Камчатке на условиях, определенных законом 21 июня 1910 г., сроком на семь лет, считая с 1-го января 1913 г., с обязательством уплачивать ежегодно: а) по одной копейке за каждую квадратную сажень отведенного им земельного пространства и б) по пять копеек с каждого пуда приготовленных на промысле рыбных продуктов. Кроме того, рыбопромышленникам А. Г. Демби и Х. П. Биричу должно быть поставлено в обязательство устроить на р. Камчатке рыбообразовный завод, рассчитанный на выпуск трех миллионов мальков с тем, чтобы в 1914 г. было выпущено 500 тысяч, в 1915 г. — один миллион, а начиная с 1916 г. — выпускалось бы ежегодно по три миллиона мальков» [25, л. 125].

К сожалению, отсутствие в камчатских архивах документов начала 1910-х гг. не дает возможности точно восстановить события, связанные со становлением первых отечественных РКЗ. Имеющаяся же информация противоречива. Так, на вкладке приведены две фотографии, датированные 1908 и 1911 гг. Первая из них, выполненная П. Ю. Шмидтом, изображает бездействующий завод КТПО, вторая, опубликованная в иллюстрированном альманахе «Искра», — завод Демби. Нетрудно заметить, что на обеих снимках показан один и тот же объект. Возможно, что имущество завода КТПО каким-то образом использовалось товариществом Демби — Бирича.

В соответствии с данными, приведенными в отчете Перфильева от 20 ноября 1911 г., за сезон 1911 г. завод товарищества выработал 18 000 ящ. консервов, которые были проданы «в Лондоне по выгодной цене». Всего в области в 1911 г. имелось два отечественных РКЗ: в Усть-Камчатске и на р. Палане [26, л. 2 об.—3 об.].

В 1912 г. товарищество Демби — Бирича владело уже двумя РКЗ. Об этом свидетельствует официальный «Обзор Камчатской области за 1912 год», в котором утверждается, что «в 1912 г. вся фабрично-заводская промышленность Камчатской области была представлена всего лишь тремя рыбоконсервными заводами: два из них располагались на восточном побережье Камчатки в селении Усть-Камчатск и один по западному побережью этого же полуострова в селении Палане» [27, с. 14]. Второй РКЗ размещался в районе оз. Нерпичьего.

В 1912 г. самым совершенным по оборудованию и наиболее крупным являлся завод Демби, на котором «было выработано 25 637 ящиков консервов, тогда как на всех японских заводах было приготовлено только 23 900 ящиков» [28, с. 31].

В 1913 г. на западной Камчатке русские и японские промышленники добыли 2 256 222 пуда рыбы, из которых в консервы переработали 61 779 (всего 2,74 %), а остальной улов приготовили сухим посолом для японского рынка. В Европу отсюда отправились 6 312 пудов консервов (10,2 % их общего объема) [26, с. 71, 75].

В этот сезон здесь действовало уже одиннадцать РКЗ, из них два отечественных (Эккермана и Менарда), размещавшиеся на речных рыболовных участках. Остальными заводами владели японцы. Два лучших из них, находившиеся в районе р. Озерной на морских участках № 230 и 232, арендовал С. Цуцуми. По словам смотрителя рыболовства В. В. Архангельского, они принадлежали одной из английских компаний, заключившей с Цуцуми договор, по которому он получил готовый завод и обязался поставлять фирме в течение ряда лет определенное количество консервов по фиксированному ценам.

Завод на участке № 230 назывался «Day Break Brand». Все основные процессы на нем были механизированы, станки приводились в действие паровой машиной. Управлял заводом английский инженер, специалист консервного дела, механической частью распоряжался американский техник. Первый имел десять помощников, второй — семь кочегаров и масленщиков. Этот РКЗ признавался лучшим из всех имевшихся на западной Камчатке. Завод, размещенный на соседнем участке № 232 и тоже называвшийся «Day Break Brand», уступал первому.

В сезон 1913 г. РКЗ, стоявшие на морских участках западного побережья, изготовили, в общей сложности, 41 186, а на речных — всего 4 208 ящ. Традиционным сырьем для них была нерка, но в этом году впервые появился устойчивый спрос на консервы из горбуши. На лондонском рынке они не котировались, но получили распространение в Японии и в некоторых европейских странах [29, с. 80—82].

На восточной Камчатке в 1913 г., по данным смотрителя рыболовства В. В. Арцишевского, действовало четыре РКЗ. Все они располагались в районе устья р. Камчатки. На морском участке № 245в находился завод Демби, изготовивший 26 000 ящ. Еще один русский РКЗ (товарищества Демби — Бирича), по устройству подобный предыдущему, стоял на речном участке «Нерпичий». Русские промышленники выработали на них, в общей сложности, 61 800 пудов консервов, кроме

того, Демби изготовил первых на восточном побережье консервированных крабов. Источник [21, с. 60] указывает, что всего в 1913 г. на участках «Нерпичий» и морском № 245в он произвел 53 630 ящ.

В «Сведениях об уловах в 1913 г. русско-подданных в реках и бухтах, изъятых от действия русско-японской рыболовной конвенции» приводятся данные о том, что в районе Усть-Камчатска консервы делали три отечественных промышленника: А. Г. Демби, Х. П. Бирич и Г. А. Крамаренко, на долю которых пришлось, соответственно, 8 462, 7 906 и 8 112 ящ. общей массой 36 666 пудов. Более поздние данные свидетельствуют о том, что Крамаренко на своем участке не работал, передав его товариществу Демби — Бирича.

Заводами на морских участках № 241в и 241б управлял японец Сецутаро Накаяма. Они принадлежали фирме «Ициигуми», явившейся для русских серьезным конкурентом. На торгах, прошедших во Владивостоке 13 марта 1913 г., она вытеснила Демби с этих ценных в промысловом отношении участков. Накаяма в ходе острой борьбы за участок № 241в заплатил наиболее высокую арендную плату — 8 300 руб. Наименьшая цена промысла на торгах этого года равнялась 1 020 руб. Средняя плата за участок с трехгодичной арендой составила 3 388 руб. для русских и 2 574 руб. для японцев, повысившись по сравнению с прошлым годом для первых в 1,27, а для вторых — в 1,33 раза.

В сезоне 1913 г. Демби и Накаяма стали наиболее крупными камчатскими арендаторами: первый «взял с торгов» 14 промыслов, второй — 9. Всего Накаяма внес в российскую казну свыше 10 % суммарной японской аренды за камчатские промыслы, а Демби уплатил за свои участки 62 200 руб., что превысило половину суммы, заплаченной русскими. В 1913 г. на Камчатке было сдано 115 участков [21, с. 11—15].

Предприятия компании «Ициигуми» не имели паровых двигателей и отличались невысокой производительностью, выпустив немногим более 15 000 ящ. Все четыре восточно-камчатских РКЗ выпустили 98 466 пудов продукции, отправленной в Европу [30, с. 86—88].

Таким образом, в столь любимом отечественной статистикой 1913 г., Камчатка дала в общей сложности 160 245 пудов консервов. Это в пересчете на однофунтовые банки составило около 123 468 ящ. Рыбokonсервное дело стало той отраслью, в которой русские промышленники на равных, а зачастую — и с заметным преимуществом могли конкурировать с японцами. Последние вскоре это вполне оценили. 4 марта 1913 г. газета «Майници» сообщала: «В настоящее время русские рыбопромышленники понемногу просыпаются и прилагают

усилия к улучшению постановки рыбного дела. Результатом этого, очевидно, будет вытеснение наших рыбопромышленников...» [21, с. 8].

Техническое оснащение отечественных РКЗ начала 1910-х гг. может быть охарактеризовано на примере предприятия Г. А. Менарда, построенного в 1912 г. и располагавшегося на западной Камчатке возле р. Колпаковой. «Завод размером 212 на 45 футов (1 фут равен 0,305 м. — С. Г.) имеет деревянную основу, с боков обшит гладким оцинкованным железом; пол во всем здании сделан из бетона. С двух сторон к заводу сделаны пристройки: 1) машинное отделение 45 на 20 футов и 2) лакировальня 20 на 20 футов. В машинном отделении помещен паровой котел и паровая машина в 13 сил, которые и приводят в действие все машины завода.

При производстве жестянок ручной труд сведен до минимума: изготовление всех частей жестянок и соединение их производится с помощью машин. Вручную только паяют боковой шов банки, причем продуктивность этой работы значительно увеличивается тем, что паяльники все время находятся в раскаленном состоянии благодаря помещенному внутрь их небольшому пламени паров бензина, которые по трубам проведены из особого аппарата, помещенного вне здания завода. Остов здания изготовлен в Японии, паровой котел, паровая машина и машина для производства консервов привезены из Германии (г. Любек, фирма “Эверс и Мизнер”), нож для резки рыбы — из Америки (шт. Вашингтон, г. Сиетль), жесь для банок — из Англии. По словам владельца, полное оборудование завода обошлось в 42 000 руб.».

Завод Менарда в 1913 г. произвел 3 208 ящ. консервов, в том числе — 204 из крабов. Кроме него в 1913 г. на западной Камчатке действовал РКЗ Эккермана, выпустивший всего 1 000 ящ. [28, с. 29].

Основным видом продукции камчатских РКЗ в начале 1910-х гг. являлись консервы из нерки, которые ценились вдвое дороже, чем из кеты и горбуши. Их основное количество сбывалось в Европу, меньшее — в США и Японию. В 1911 г. камчатские консервы появились даже в Австралии [31, с. 348].

В 1912—1913 гг. крупнейшими русскими промышленниками на Камчатке являлись А. Г. Демби и Г. А. Менард. Первый в 1912 г. ввез в Японию 7 107 ящ., а в следующем году он доставил сюда около половины всей русской рыбопродукции, заготовленной на полуострове. Г. А. Менард реализовывал свой товар при участии Демби. В 1912 г. он привез в Хакодате 6 279 ящ., в 1913 г. — 2 800 [21, с. 60]. Остальные консервы отправились в Европу прямо с промыслов.

Осенью 1912 г. на лондонском рынке консервы из нерки оценивались в 17—18, из кижуча — в 15—16, а из кеты — всего в 6—7 руб. за ящик. Себестоимость же продукции с доставкой в Лондон составляла 8—8,6 руб. В 1913 г. на рынок впервые поступили консервы сорта «King Salmon» (чавыча) [21, с. 4].

В 1914 г. цены на лососевые консервы на лондонском рынке, по сообщению вице-консула в Хакодате Е. Лебедева, значительно понизились по сравнению с 1913 г. Причиной этого стал громадный объем продукции, произведенной в США — 8 063 444 ящ. Наиболее популярный сорт «Red» (нерка) вместо 33—35 шиллингов продавался по 24—27. Сорт «Silver» (кижуч) — вместо 26—28 шиллингов шел по 20—24.

Производство консервов из горбуши в начале 1910-х гг. являлось убыточным, но рассматривалось как перспективное, в особенности для отечественного рынка. С учетом этого считалось, что их выпуск в дальнейшем мог получить широкое распространение, особенно на западном берегу Камчатки [28, с. 30—31].

Это предположение подтвердилось уже к 1920 г., когда выпуск «горбушечных» консервов принял массовый характер. Помимо лосося, значительным спросом в США и в Англии пользовались крабы. В США их ящик стоил 45—60 руб. [32, с. 156].

В начале 1920-х гг. стоимость пуда консервов из нерки в Англии и США составляла 22—25 руб. (29—33 руб. за ящик), в то время как пуда нерки, приготовленной японским посолом, — 3,4—3,8 руб. [33, с. 144]. Эти цифры свидетельствовали о высокой доходности рыбоконсервного производства.

Англия являлась основным рынком сбыта камчатских консервов, в Россию попадала лишь малая их часть. Доставляли их на рынки сбыта морем. Фрахтовые ставки на перевозку консервов на судах ДФ в 1919 г. составляли 3,75 руб. за пуд [34, № 234].

В 1914 г. наиболее крупное отечественное рыбоконсервное производство на Камчатке, по данным Б. Горовского, по-прежнему было сосредоточено на восточном побережье полуострова, в Усть-Камчатске. Здесь действовали предприятия Демби и Бирича. На промыслах последнего трудились около двухсот русских и японцев. Улов лососевых различных пород за сезон в р. Камчатке в этот период составлял около миллиона штук [35, с. 75].

Выработка консервов на заводах Демби в течение 1913—1915 гг., ящ., показана в табл. 6.2 (составлена по данным [36, № 50, 51]).

Таблица 6.2

Год	Кета	Кижуч	Нерка	Горбуша	Всего
1913	33 000 (54,1 %)	10 000 (16,4 %)	18 000 (29,5 %)	—	61 000 (100 %)
1914	41 203 (57,6 %)	11 253 (15,7 %)	19 103 (26,7 %)	—	71 559 (100 %)
1915	36 763 (35,4 %)	26 176 (25,2 %)	39 426 (38 %)	1 441 (1,4%)	103 806 (100 %)
Всего:	110 966	47 429	76 529	1 441	236 365

Еще одной крупной отечественной рыбопромысловой компанией, работавшей на Камчатке в начале 1910-х гг., являлось «Товарищество на вере “Тихоокеанские морские промыслы С. Грушецкий и К^о”». Его главная контора размещалась в Санкт-Петербурге. В 1914 г. председателем правления фирмы состоял граф Э. Ф. Берг, ее директором был Е. Э. Фон-Этлингер [25, л. 115]. Основные промыслы фирмы размещались на западе полуострова в районах рек Большая и Озерная.

В 1911 г. Товарищество трижды (30 сентября, 12 октября и 5 декабря) обращалось в ГУЗиЗ с ходатайством о сдаче ему в долгосрочную аренду рыболовного участка на р. Большой. 28 января 1912 г. его просьбы были удовлетворены. С 1 января этого года Товариществу в двенадцатилетнюю аренду без торгов передавался участок на условиях, определенных законом от 21 июня 1910 г.

Приамурскому УГИ предписывалось выдать «разрешительное свидетельство на право промысла в названной реке на сезон текущего года в том месте реки, которое будет указано Товариществом». Право заключения долгосрочного контракта по завершении сезона 1912 г. передавалось камчатскому губернатору. Если бы за отведенное время Товарищество не выбрало определенный участок, то разрешение продлевалось на 1913 г, после чего заключение контракта становилось обязательным [25, л. 91].

По окончании сезона 1912 г. Товарищество ходатайствовало перед ГУЗиЗ о выделении ему на той же реке второго участка, указывая, что имеющийся дает улов, «далеко не отвечающее промысловым средствам и затратам Товарищества, хотя сама по себе р. Большая весьма богата рыбой».

Несмотря на то что в 1912 г. на западной Камчатке наблюдался сильный недолов, ГУЗиЗ считал, что «предоставление второго участка в р. Большой являлось бы желательным, дабы обеспечить возможность дальнейшего развития промысловой деятельности этого крупнейшего в Охотско-Камчатских водах русского предприятия». Приамурское

УГИ высказывалось против этого, полагая, что его открытие может подорвать рыбные запасы реки. ГУЗиЗ признавал, что «наилучшим способом примирения интересов рыбопромышленности и рыбоохранения явилось бы устройство рыбоводных заводов, возмещающих, хотя бы отчасти, тот ущерб, который наносится рыбным запасам вследствие производства крупного лова».

Обычный улов Товарищества в р. Большой составлял около 300 тыс. лососей. С учетом этого, и имея в виду, что по опытным данным, из выпущенных в реку искусственно выведенных мальков обратно возвращалось не более 10 %, ГУЗиЗ полагал необходимым вместе с открытием нового участка устроить рыбозаводный завод, рассчитанный на ежегодный выпуск трех миллионов рыбной молоди.

3 марта 1913 г. Товариществу сроком на одиннадцать лет, считая с 1 января 1913 г., предоставлялся второй участок с обязательством уплачивать ежегодно по 1 коп. за каждую квадратную сажень территории и по 5 коп. с каждого пуда приготовленных продуктов. 5 апреля 1913 г. ГУЗиЗ в лице заместителя директора Департамента земледелия В. Бражникова просил камчатского губернатора Мономахова заключить с Грушецким договор «по образцу контрактов по аренде речных рыболовных участков в Камчатской области» [25, л. 129—130 об.].

Контракт был подписан в канцелярии губернатора в июне 1913 г. Он предусматривал обязательную организацию рыбозаводного завода. Первый выпуск мальков с него планировался на 1914 г. Впрочем, вскоре выяснилось, что этот пункт соглашения выполнить не удастся. 28 мая 1913 г. С. Грушецкий обратился в ГУЗиЗ с уведомлением о том, что он не в состоянии обеспечить работу завода. «К крайнему нашему сожалению, мы никак не могли в этом году найти в России подходящего рыбоведа, который согласился бы поселиться в Камчатке, что и лишает нас возможности произвести необходимые изыскания на месте и устроить в текущем сезоне рыбоводный завод, а следовательно, — и выполнить обязательство о выпуске в 1914 году первой партии мальков».

Ввиду отсутствия отечественных специалистов, Грушецкий просил разрешения пригласить рыбоведа из Японии, где давно практиковалось искусственное разведение лососей. Товарищество обязывалось принять меры к тому, чтобы под его руководством русско-подданные служащие практически изучили бы основы рыбоводства, чтобы в будущем не зависеть от иностранных инструкторов. «Хотя с нашей стороны будет приложено всяческое старание к тому, чтобы первый выпуск

мальков состоялся бы уже в 1915 году, но за неимением пока рыбовода, а также ввиду необследованности местных условий и необходимости опытов возможны непредвиденные задержки, и мы почтительнейше просим разрешить нам отсрочку выпуска первой партии мальков не дальше как до 1916 года» [25, л. 134—134 об.].

2 мая 1914 г. доверенный фирмы А. П. Смирнов сообщал Мономахову о том, что постройка завода уже началась. Смирнов также ходатайствовал о заключении контракта еще на один участок на левом берегу р. Большой «выше третьей версты от устья мерою по берегу реки сто двадцать саженой и вглубь не более шестидесяти саженой» [25, л. 112].

Расширение Товариществом масштабов промысла на р. Озерной ввиду предстоящего устройства здесь РКЗ привело к конфликту с местными жителями. Они появились здесь в 1907 г. как временные рабочие на промысле И. А. Потужного. Первоначально рыбаки проживали в бараках, возведенных японцами на арендованном участке в этом же сезоне. Вначале новое поселение не имело названия, но с 1910 г. оно стало именоваться Унтербергеровкой (в честь приамурского генерал-губернатора П. Ф. Унтербергера).

В 1910 г. колония насчитывала 24 чел. В этот сезон рыбаки, сдавшие фирме 120 000 свежих рыбин и часть уже засоленного улова, «имели хороший заработок». На промысле фирмы работали привезенные из Владивостока 162 русских рабочих. Они получали 25 руб. в месяц, премию от улова и питались за счет хозяина [23, с. 245].

В 1912 г. смотритель рыболовства Пушкив отвел Грушецкому прямоугольный участок, частично накрывший территорию, которой уже несколько лет пользовались осевшие здесь рыбаки. Спорная земля находилась на правом берегу р. Озерной и имела форму треугольника площадью 310 кв. саженой. На ней стоял недостроенный деревянный склад, сооружение которого промысловый надзор приостановил из-за спора, возникшего между рыбаками и промышленником. Это место, возвышенное, сухое и примыкающее к удобному для притонивания невода речному берегу у него оспаривали поселенцы. Далее берег понижался и в половодье заливался водой.

8 июня 1913 г. жители Унтербергеровки в присутствии помощника начальника Петропавловского уезда И. Е. Анкудинова и промыслового пристава Л. Л. Шикера обсуждали на сходе вопрос «о спорном участке земли общества с товариществом “С. Грушецкий и К^о” — может ли общество уступить этот участок земли, дабы дружелюбно сойтись обеими сторонами».

Сход решил, что если областная администрация отберет у него этот клочок земли, то «рыбакам нельзя будет заняться засолкой и приготовлением рыбы своим трудом, и [придется] волей-неволей соглашаться сдавать таковую Компании... по той цене, по которой она захочет, и на тех условиях, на каких ей пожелается, — хорошо зная, что обществу приготовить рыбу впрок самим уже места не окажется». Тем не менее, рыбаки соглашались уступить фирме участок с тем, чтобы она «построила бы нам сруб с дерева на нейтральном берегу и подняла бы его на должную высоту, чтобы на этом срубе нам было можно приготовить рыбу впрок». Сруб должен был иметь длину 50 и ширину 10 сажений. Для того чтобы его не унесло водой при наводнении, следовало выполнить в виде клеток, засыпанных галькой. Недостроенный склад, по мнению рыбаков, также нуждался в переносе.

Отсутствие на сходе представителя Грушецкого вызвало сожаление поселян, полагавших, что «если бы таковой присутствовал, то общество могло бы сойтись и на других бы условиях, дабы все сделать как лучше, то есть не обижая себя и не делая вреда другим».

В этот же день Анкудинов и Шикер осмотрели спорную территорию, признав необходимым полностью передать ее фирме, теснимой «с юга, юго-запада рекою и морем, и с юго-востока — крестьянами, тогда как в распоряжении последних все правое и левое побережье реки, и устроить в том или другом засолку и склад можно при самой незначительной затрате труда и денег». В связи с этим представители администрации полагали, что выселение отсюда поселян будет «весьма желательно для прекращения враждебности сторон» [25, л. 28—30 об.].

Первый РКЗ Грушецкого заработал на р. Озерной в 1914 г. Его здание длиной 40, шириной 18 и высотой от 4 до 6,4 м было обшито гофрированным оцинкованным железом. К нему примыкали три склада. На правом берегу реки располагался тесовый засольный сарай и кладовка. В засольном сарае в 1915 г. установили машину для чистки рыбы, приводимую в действие мотором мощностью 12 л. с.

В 1915 г. в связи с началом Первой мировой войны (1914—1918 гг.) цены на все промысловые товары и рабочие руки заметно выросли. Это сдерживало оборудование речных рыболовных участков, на которых работали русские промышленники. В этот сезон только компания Грушецкого планомерно продолжала развивать свое хозяйство на западной Камчатке в районе р. Озерной. К концу 1915 г. здесь появились жилой дом, больница с аптекой, склад продуктов и промыслового снаряжения, кухня для рабочих с тремя котлами и русской печью

для выпечки хлеба, баня. Два барака для рабочих без пола и потолка размером 6 на 6 саженой имели по четыре окна и по две печи [37, л. 17]. В этом же году Грушецкий начал осваивать новый участок на р. Большой, где вскоре появился еще один его РКЗ.

В 1915 г. в районе с. Колпаково по-прежнему действовал консервный завод Г. А. Менарда. Рыбой его снабжали камчадалы, сдавшие 97 297 шт. горбуши и 619 шт. кеты на общую сумму 1 002 руб. 85 коп., считая горбушу по 1 коп. за «хвост» и кету по 5. Несколько женщин и детей из селения работали на предприятии, «получая поденную плату и зарекомендовали себя вполне с хорошей стороны».

Всего морские и речные участки западно-камчатского района в 1915 г. приготовили 3 591 636 пудов рыбопродуктов, из которых 171 303 (4,77 %) составили консервы для лондонского рынка и русско-го интендантства [37, л. 19—19 об.].

В восточно-камчатском районе в 1915 г. действовали два русских РКЗ, принадлежавших товариществу Демби — Бирича. Рыбу они получали с двух речных участков (Нерпичьего и Верхне-Камчатского). Кроме них, товарищество эксплуатировало речной участок, формально принадлежавший Г. А. Крамаренко. Ловом рыбы оно также занималось на четырех морских промыслах (№ 245, 245б, 245в и 245г).

По данным смотрителя рыболовства Н. А. Полевого, «два завода: на участке Нерпичий и на морском № 245в оборудованы солидными жилими казармами, пакугазами и ледниками, богато снабжены различным инвентарем. Кроме того, участок № 245б имеет хорошо оборудованную больницу на двадцать коек с двумя при ней врачами — русским и японским».

Управление промыслами размещалось на Нерпичьем участке. Для разгрузки пароходов и доставки рыбы использовались четыре паровых и два моторных катера. На заводах и рыбалках было занято 1 536 чел. различных национальностей. Товарищество приготовило следующее количество консервов (в пудах): в 1914 г. — 107 206 рыбных и 1 020 крабовых, в 1915 г. — 133 561 рыбных [37, л. 29—30, 35 об.].

В западно-камчатском и Ичинском промысловых районах в 1916 г. морские участки, по сведениям старшего смотрителя рыболовства М. Н. Павленко, выловили 3 163 125 пудов рыбы. «В консервы переработано 234 305 пудов красной и горбуши (то есть 7,4 % улова. — С. Г.). На тринадцати речных участках было приготовлено консервов общим весом 155 264 пуда брутто». По замечанию Павленко, «настоящий год превзошел все остальные по количеству рыбы за четыре года и выпущенных продуктов» [38, л. 489—490 об.].

Во время войны наблюдалось значительное увеличение спроса на лососевые консервы, сопровождавшееся существенным повышением цен на них. Это способствовало бурному подъему русской рыбоконсервной промышленности. Дополнительно открылись заводы не только на речных, но и на морских участках. Их число к 1920 г. достигает шести. Выпуск отечественных консервов достиг пика в 1916—1917 гг., когда он составил, соответственно, 247 329 и 239 232 ящ. Затем начался спад, длившийся до середины 1920-х гг.

Японское производство, напротив, из года в год устойчиво расширялось. Изменение количества производимых на Камчатке консервов в 1910—1921 гг. иллюстрирует табл. 6.3 [39, с. 65].

Таблица 6.3

Год	Общее кол-во, тыс. ящ.	Русские		Японцы	
		тыс. ящ.	% соотно- шение	тыс. ящ.	% соотно- шение
1910	10,0	9,3	93	0,7	7
1917	510,0	239,0	47	271,0	53
1919	743,9	82,2	11	661,7	89
1921 ¹	710,9	7,535	1	703,4	99

¹По архивным данным, на западной Камчатке русские произвели 32 350 пудов консервов. Продукция фирмы Демби включена в японскую долю.

Возрождение отечественной промышленности, связанное с деятельностью возникших в этот период первых государственных организаций и активизации частного капитала, началось в 1926 г. Количество рыбных и крабовых консервов, произведенных на советском Дальнем Востоке в 1925—1927 гг., ящ., приведено в табл. 6.4 [40, с. 177].

Таблица 6.4

Год	Россия (СССР)		Япония	
	рыбные	крабовые	рыбные	крабовые
1925 ¹	1 245	10 264	573 339	41 048
1926	28 775	10 062	859 952	58 959
1927	112 447	12 231	708 400	122 682

¹ На Камчатке выпущено 545 ящ. рыбы и 6 596 ящ. крабов.

Расширяющаяся отечественная рыбная промышленность требовала квалифицированные кадры. О необходимости их подготовки местные власти стали задумываться еще до появления на полуострове первых РКЗ. Советник Приморского областного правления Ф. Ф. Сомов, проводивший в 1907 г. ревизию Петропавловского уезда, докладывал губернатору Приморской области свои соображения по поводу начала обучения специалистов в рыбохозяйственной области.

По его мнению, в Петропавловске для «ознакомления населения с усовершенствованными способами приготовления рыбы» следовало организовать учительскую семинарию. В ней «должен быть обязательный для всех учащихся отдел по рыбоводству, заведовать которым должен специалист... Окончившие курс такой семинарии явятся действительно полезными учителями и, независимо от ознакомления со способами лова, приготовления и размножения рыбы подрастающего поколения, явятся руководителями этого дела и для взрослых».

В качестве примера такого учебного заведения называлась ремесленная школа, действовавшая в Тобольске, «ученики которой изготавливают консервы, и консервы эти расходятся по всей Сибири». Заведующий городским училищем в Петропавловске Л. Л. Роберт поддерживал эту идею, заявляя о том, что для «получения кадра учителей достаточно открытия двух специальных классов при городском училище; в них же может преподаваться и рыбоводство» [41, л. 17—17 об.].

Первым шагом в этом направлении стало предложение Х. П. Бирича, последовавшее 20 июля 1911 г., учащимся Петропавловского городского двухклассного училища пройти практику на его заводе [42, л. 234—239]. При этом работавшее при училище ремесленное отделение, судя по всему, вопросами рыбообработки не занималось.

В 1913 г. губернатор Мономахов полагал, что серьезным подспорьем РКЗ стало бы открытие рыболовных училищ. Они «создали бы кадры специалистов для промышленных предприятий, а местное население, получающее в данное время от лова рыбы незначительный доход, научилось бы консервировать ее усовершенствованным способом, и тем самым значительно увеличило бы свой заработок» [43, с. 30].

Попытка создания специализированного учебного заведения рыбопромышленного профиля была предпринята в начале 1918 г. 10 января областной комитет рассматривал ходатайство члена комитета Сивцева о создании в Охотске «ремесленного класса, рыбоконсервного и икрообработывающего отделения». Летом 1918 г. в Охотске намечалось открытие высшего начального училища (ВНУ). В этом случае при действовавшей там двухклассной школе предполагалось организовать ремесленное отделение «в небольших размерах, прося охотское городское самоуправление придти на помощь училищу закупкой леса, необходимого для ремесленного отделения».

Обучение на этом отделении предполагалось совместить с практикой. «Что же касается обучению рыбоконсервному и икрообработывающему делу, то обязать ближайших к Охотску рыбопромышленников

разрешать учащимся Охотского училища присутствовать при обработке икры и изготовлении консерв[ов]. Предложить заведующему училищем посещать вместе с учащимися эти заводы и наблюдать, чтобы дети, посещая завод, неспроста проводили время» [44, л. 7].

ВНУ в Охотске было открыто 1 июля 1918 г. 1 октября 1918 г. его переименовали в «Тигильское ВНУ» и 24 октября 1918 г. по приказу областного комиссара «за неимением свободного под училище помещения» перевели в с. Тигиль [45, л. 40]. Сведений о работе ремесленного отделения в Охотске не выявлено.

В целом для подготовки местных специалистов по переработке рыбы сделано было мало: управленческий и, особенно, — технический персонал отечественных РКЗ, как правило, состоял из иностранцев.

6.3. ЯПОНСКИЕ ПРОМЫШЛЕННИКИ В КАМЧАТСКИХ ВОДАХ

Одновременно с русскими рыбоконсервное дело на Камчатке стали осваивать японцы. Первым японским рыбоконсервным фабрикантом на Камчатке стал С. Цуцуми. Его предприятие в Усть-Камчатке за первый сезон 1910 г. выпустило всего 700 ящ. Проведенные Цуцуми опыты консервирования получили поддержку японского правительства, направившего на его промысел инструктора рыболовной школы с двенадцатью учениками. Становилось ясно, что «японцы, как по части заготовления икры, так и консервов, могут явиться нам серьезными конкурентами» [23, с. 304—306].

Через год на западной Камчатке на морском рыбопромысловом участке заработало еще одно подобное японское предприятие. Оно произвело 670 ящ. консервов из нерки и кеты, которые были проданы в Июкогаме по цене, соответственно, 10 руб. 75 коп. и 6 руб. за ящик.

Японские заводы вначале значительно уступали русским, как своими размерами, так и оборудованием. В 1913 г. японцы имели на Камчатке одиннадцать РКЗ. Все они располагали машинами с ручным приводом, выпущенными токийской мастерской Х. Ионегоро. Четыре завода размещались в обыкновенных сараях из рогож и теса, остальные были построены более основательно. Самым солидным из них являлся уже упоминавшийся завод С. Цуцуми: его деревянное здание размером 15 на 7 сажений имело покрытие из оцинкованного железа и деревянный пол. Стоимость сооружения составляла 7 000 руб., а все оборудование оценивалось в 14 000 руб.

Значительная часть японцев занималась изготовлением банок: при ручных машинах приходилось не только паять их боковой шов, но и припаивать крышку и дно. Паяльники нагревались в небольших горнах с древесным углем, стоявшими перед каждым рабочим, и только на заводе Цуцуми они грелись горелками, в которые по трубам подавался горячий газ. Его же использовали и для освещения завода [28, с. 31].

Численность японских предприятий на Камчатке в 1913 г. и объем выпущенной ими продукции характеризует табл. 6.5. Как видно, всего на западной Камчатке в 1913 г. действовало девять японских РКЗ, произведших 64 700 ящ. На восточной Камчатке в районе Усть-Камчатска работало два завода, выпустивших 15 191 ящ. [21, с. 54].

Таблица 6.5

Участок	Владелец	Год пуска	Продукция 1913 г., ящ.
1. № 230 Озерной 4	Цуцуми	—	28 500
2. № 232 Озерной 6	Цуцуми	—	на обоих
3. № 229 Озерной 3	Сакамото	1912	2 200
4. № 234а Озерной 9	Такахаси	1912	660
5. № 216е Опалинский 8	Хакама	1913	2 500
6. № 216и Опалинский 11	Моримото	1912	3 700
7. № 216 Опалинский 12	Тацикава	1913	900
8. № 225 Явинский 5	«Юшюцу Сиокухинь»	1912	26 240
9. № 226а Явинский 7	«Юшюцу Сиокухинь»	1912	на обоих
10. № 241б Камчатский 6	«Ициигуми»	1913	15 191
11. № 241в Камчатский 7	«Ициигуми»	1913	на обоих
Всего: 11			79 891

В 1913 г. в Японию было ввезено консервов в количестве 2,64 % от общего объема продукции конвенционных районов (в 1912 г. — 3,6 %). Из них на долю русских промышленников пришлось 15 985 пудов, японских — 96 107. По сравнению с 1912 г. (71 325 пудов против 39 127), доля японской продукции выросла в 2,46 раза. Это свидетельствовало об активном развитии консервного дела на японских морских участках. Сокращение ввоза отечественной продукции было вызвано ее непосредственной отправкой с промыслов в Англию [21, с. 54].

Вскоре, благодаря поддержке государства, японское консервное производство на Камчатке резко активизировалось и претерпело количественные и качественные изменения. Если в 1917 г. его объем составил 271 769, то в 1921 г. он достиг уже 703 391 ящ. [22, с. 233].

Впрочем, приводимые цифровые данные следует рассматривать как ориентировочные. Вот что в сентябре 1921 г. писала петропавловская газета: «Статистика рыболовная ревниво хранилась в недрах Управления государственных имуществ, а затем в Управлении рыбными промыслами, и не была известна областной власти ни во времена губернаторов, ни во времена советов и комитетов. Как это ни странно, но в огромной стране, поставляющей на мировые рынки миллионы ящиков консервированной лососины и снабжающей громадное население соседнего государства (Японии. — С. Г.) главным белковым продуктом его питания, до сей поры нет даже приблизительно точных цифр о количестве увозимого ежегодно главного богатства ея» [46, № 44].

К началу 1920-х гг. иностранный, в основном, японский капитал, полностью подчинил частных русских рыбопромышленников. В работе [19, с. 12] приведена вот такая их «классификация»:

— состоявшие на службе иностранных фирм и являвшиеся, по сути, управляющими промыслами (например, А. П. Надецкий и Ничиро);

— получавшие ссуды от какой-либо компании, распорядившейся их продукцией (М. М. Люри по отношению к Накаяма);

— работавшие с участием иностранного капитала а последующим поглощением русского (С. Грушецкий и фирма «Фрезер и К°»).

В 1924 г. губернское профбюро так оценивало местную промышленность: «Всего предприятий по Камчатской губернии насчитывается до 312, из них: рыбоконсервных заводов — 10, рыбалок, производящих простой засол рыбы — 270, золотодобывающих приисков — 2, торговых заведений — до 30, с общим числом занятых рабочих в летнее навигационное время до 25 000 человек приблизительно, из них русские составляют 15 % к общему числу работающих по губернии. В отношении же каждой промышленности по отдельности выражается в следующем: на рыбоконсервных заводах — 0 % русские и 100 % японцы. На рыбалках — 12 % русских и 88 % японцев, на золотых приисках — 70 % русских, 30 % китайцы и корейцы» [47, л. 262].

Одним из возможных источников развития местного производства могла стать разработка в долине р. Камчатки леса. Древесину, необходимую для промыслов, японцы привозили с собой. Только три их устькамчатских РКЗ потребляли за сезон до тысячи трехсаженных бревен, ушедших на изготовление консервных ящиков и ремонт сооружений. На отопление также расходовалась масса дров. Замена привозного леса местным обещала дополнительный выход камчатской продукции на внешний рынок и пополнение государственной казны.

С этой целью признавалось нужным «добиться запрета на ввоз древесины на Камчатку японскими фирмами из Японии и тем самым сбыт камчатского леса сделать реальным». 19 сентября 1924 г. в Хабаровске состоялось совещание по делам Камчатской губернии, постановившее «привлечь Дальрыбу и ОКАРО к переговорам с японскими фирмами о снабжении рыбоконсервных заводов камчатскими лесными материалами» [48, л. 214].

По данным 1926 г., в пределах Камчатского округа рыбной продукции добывалось на сумму 33 852 000 руб., в том числе японцами — на 28 464 000 руб. (то есть 84,1 % всего объема) [49, с. 53]. В последующие годы, несмотря на появление на Камчатке сети крупных советских государственных и частных предприятий, численность японских заводов продолжала оставаться заметно более высокой. Так, в сезон 1928 г. только в Ичинском рыбопромысловом районе из десяти действовавших заводов японцам принадлежали девять:

— РКЗ на морском рыбопромысловом участке № 119 в 3,2 км к северу от устья р. Паланы, арендатор Моорита Шохей;

— крабоконсервные заводы (ККЗ) фирмы Ничиро на краболовных участках № 29б, 29г, 29, 30, расположенных к югу от р. Сопочной;

— ККЗ фирмы Ничиро на краболовном участке № 23в к югу от устья р. Колпаковой;

— РКЗ на морском рыболовном участке № 160 в 11 км к югу от устья р. Крутогоровой, арендатор Хаясикане Сиоген;

— РКЗ фирмы Ничиро на морских рыболовных участках № 162 и 167 в районе устья р. Колпаковой.

Всего японцы выловили в районе 4 052 885 шт. крабов и выпустили из них 66 752,5 ящ. Лососевых консервов различных сортов они произвели 108 068 ящ. общим весом 27 119,6 ц. Кроме этого, на рынок отправились 567,2 т тука и 3,3 т жира. Общая стоимость этой продукции составила 1 204 645 руб.

Отечественные предприятия в районе в 1928 г. представлял завод торгового дома «Бр. Люри», расположенный на морском рыболовном участке № 121 в 4 км к югу от устья р. Паланы. Он выпустил всего 13 821 ящ. нерки стоимостью 51 338 руб. Японские заводы обслуживали 4 935 чел., из них на рыбалках трудились 3 241 чел., все японцы. На отечественных участках рыбачили 450 чел., из них 185 японцев, завод обслуживали 114 человек, из них 112 — японцы [50, л. 82—95].

В это время в пятнадцати селениях Ичинского района, имевших 471 двор, проживали 2 687 чел., из них 787 ловцов. Они владели

326 неводами и сетями, а также 308 лодками и батами общей стоимостью 27 355 руб. [50, л. 114].

К 1930 г. сеть камчатских РКЗ и ККЗ насчитывала 45 предприятий, из них 15 советских и 30 японских. За сезон они, в сумме, изготовили 1 114 974 ящ. лосося и 202 695 ящ. крабов [51, л. 36].

До 1922 г. японские заводы принадлежали разным предпринимателям. Осенью 1922 г. они объединились и образовали синдикат (кумиай) — «Союз рыбопромышленников в русских водах», — в который вошли русско-японское рыбопромышленное общество «Ничиро Гио-Гио Кабусики Кайша» и Северо-океанское рыбопромышленное общество «Хокце Гио-Гио Кабусики Кайша», где находилась и фирма Демби. Синдикат объединил всю рыбоконсервную промышленность Дальнего Востока, за исключением двух небольших японских фирм «Кадама» и «Суда» и двух русских заводов С. Грушецкого.

Всего за 1922 г. синдикат произвел 718 140 ящ. консервов (по оценке Камчатского губревкома эта цифра была выше и составляла 900 000 ящ.). При этом заводы Грушецкого выпустили лишь 29 105 ящ. (4,05 %). В связи с этим Дальневосточное экономическое совещание (ДальЭкосо) констатировало полный упадок отечественного производства. Оно заключило: «Имея ввиду, что общее производство консервов в Охотско-Камчатском крае составляет лишь около 10 % всего мирового производства этого вида продуктов, при естественных запасах лососевых у наших берегов, таких же богатых рыбою, как и берега Америки и Канады, надлежит признать, что русская консервная промышленность занимает ничтожное место в мировом производстве продуктов лососевого промысла» [52, с. 134—135; 53, с. 50].

Крупнейшая японская рыбопромысловая компания Ничиро образовалась в 1914 г. В 1921 г. она поглотила существовавшие до этого Акционерное общество по экспорту пищевых продуктов и Камчатское акционерное общество. По замечанию японской печати, «уладилась наследственно существующая между японскими рыбопромышленниками вражда и рознь. В интересах работы рыбопромышленники объединились и за эти два года собрали самую большую жатву».

Основной капитал Ничиро составлял 25 млн иен. В ноябре 1921 г. оно учредило акционерное общество «Хоккай Сейкан Соокоо Кабусики Кайша» по производству консервных банок с капиталом в 1 млн иен. В 1924 г. Ничиро скупило все акции рыбопромышленного общества «Хокуо Гио-Гио Кабусики Кайша», которое продолжало работать в его составе под названием «Тайхоку Гио-Гио Кабусики Кайша».

Ничиро работало исключительно на Камчатке, где в 1925 г. ему принадлежали 99 морских рыбопромысловых участков, 20 рыбо- и крабokonсервных заводов. Основными рынками сбыта ничиловских консервов являлись Англия и США. В 1924 г. общество экспортировало в Англию 546 700 ящ. Это составило 38 % к общему японскому экспорту в эту страну, составившему 1 437 000 ящ. Стоимость консервов достигала 54—55 шиллингов за ящик. В этом году в советских водах японцы изготовили 42 000 ящ. крабовых консервов на береговых заводах и более 35 000 — на семи плавучих базах.

Количество рыбных консервов, приготавливаемых японцами в дальневосточных водах, составляло: в 1923 г. — 703 669 ящ. (84 % — из нерки, 9 % — из кеты, 3 % — из кижуча, 4 % — из горбуши), в 1924 г. — 799 120 (68 % — из нерки, 24 % — из кеты, 5 % — из кижуча, 3 % — из горбуши). На долю Ничиро из этого числа приходилось: в 1924 г. — 36 869 ящ. крабовых и 498 687 ящ. рыбных консервов, а в 1925 г. — 62 278 и 583 602 соответственно [33, с. 145]. На его предприятиях в 1925 г., в общей сложности, трудились 800 служащих и до 10 000 рабочих, добывших рыбы на сумму 20 млн иен.

Появлению этого монстра, разрабатывавшего богатства камчатского шельфа, способствовала слабость российской государственной власти, не способной противостоять японской экспансии. За время пребывания на Камчатке японцы «настолько привыкли к дешевым условиям эксплуатации, что каждое начинаемое нами в настоящее время мероприятие к ограждению наших же интересов вызывает их недовольство», — писала газета «Полярная звезда» в 1926 г. [54, № 68].

23 января 1928 г. в Москве между СССР и Японией была подписана рыболовная конвенция [55, с. 8]. В рамках ее реализации 3 ноября 1928 г. ВСНХ, Наркомзем РСФСР и фирма Ничиро заключили концессионный договор на срок до 1 декабря 1938 г. Он предоставлял фирме право производства и сбыта консервов из лосося, крабов и других морепродуктов, тука и жира из рыб различных пород (кроме лососей и сельдей) и отходов от обработки морепродуктов, а также икры и предметов для упаковки продукции [51, л. 40].

Конвенция установила особую плату за деятельность японских РКЗ в советских водах, исчислявшуюся в золотой валюте СССР. Ее размеры составляли, коп. за ящ.: нерки — 20, кеты, кижуча и чавычи — 16, горбуши — 9, крабов — 40. Они могли меняться при существенном колебании рыночной цены товара [55, с. 22].

6.4. ФИРМА «ДЕМБИ И К^о» В 1917—1923 гг.

11 апреля 1917 г. новая власть, пришедшая на смену губернаторской администрации в лице областного комитета, вместе с представителями населения Петропавловского уезда изучала «положение рыбалок Демби и Бирича». Срок контракта, заключенного ими с правительством в 1910 г., истекал в 1923 г. Предприниматели, обратившись в свое время к губернатору, получили согласие на его продление. Теперь же жители селений долины р. Камчатки высказывались о нежелательности нахождения здесь их промыслов, дальнейшее существование которых считалось «подрывающим благосостояние местного населения». Его недовольство вызывалось оскудением рыбных запасов.

В результате обсуждения комитет постановил ввести некоторые ограничения на деятельность фирмы: отодвинуть ее морские участки от устья реки на расстояние не ближе четырех верст, разрешив ловить в реке только одним неводом. Сдавать участки теперь следовало лишь с согласия населения. Кроме этого, было решено «поставить в известность Управление государственных имуществ, что в интересах местного населения для устранения эксплуатационных злоупотреблений рыбопромышленников обязать последних [производить] скуп излишка рыбных продуктов без всякого ограничения количества. Желательная минимальная цена горбуши 2 коп., кеты — 10 коп. В случае избытка рыбы, сдаваемой населением, рыбопромышленник обязан прекратить лов рыбы своим неводом».

Деятельность старых промысловых приставов, зачастую потворствовавших промышленникам, признавалась вредной и идущей «вразрез с интересами коренного населения». Члены комитета, обращаясь к областному комиссару, просили удалить их. Взамен предлагалось «учредить правильный надзор за уловом рыбы на промыслах Демби и Бирича, а именно — контроль местного населения» [56, л. 2—3].

Осенью 1917 г. некоторые горячие головы с целью «углубления революции» предлагали разграбить имущество фирмы. Однако большинство жителей воспротивилось этому, сознавая, что наличие предприятий, дающих заработок и имеющих продовольственный склад, для него жизненно важно. Склад снабжал продуктами и товарами не только рабочих, но и население. Цены в нем соответствовали владивостокским. Обыватели жаловались лишь на дороговизну первосортной муки, стоившей 35 руб. за кулек весом 1 пуд 15 фунтов.

В начале мая 1918 г. областной совет рассматривал меры по охране завода Демби, но решения не принял, предложив дополнительно изучить материалы, после чего вернуться к ним еще раз [57, № 8].

Летом 1918 г. в Усть-Камчатске наблюдался интенсивный ход рыбы. Заработки местного населения и пришлых рабочих на промыслах были весьма высоки. Некоторые наиболее удачливые рыбаки в недельный срок получали по шесть тысяч рублей «на душу», ловя рыбу и сдавая ее на завод Демби. «Завод этот... обратил пустынный край в промышленный пункт, где деньги загребаются если не лопатой, то рыболовным ковшом, в который попадает 15—17 рыб на каждый взмах. Интересно, что у населения до сих пор не установилось определенного отношения к заводу. С одной стороны, роль работодателя им ясно признается... С другой стороны — нужно правду сказать, что наличие завода (главного покупателя рыбы и поставщика продовольствия)... сократило ход рыбы по реке. И в результате: завод полезен — завод вреден, завод нужен — завод не нужен. Чтобы его черти побрали — дай Боже ему благоденствия, то есть “с одной стороны нельзя не согласиться, а с другой — нельзя не придти к заключению”». А заключение у обывателя получилось вот такое: “Завод находится под покровительством Японии. Недаром же заходил к нам японский военный крейсер, и матросы массами разгуливали по нашему селению. Это неспроста”» [58, № 127].

Состояние фирмы Демби в сезон 1918 г. характеризуется в докладе агронома переселенческого управления Л. А. Кривцева Камчатскому областному комитету. Она состояла «из двух громадных заводов, которые своим тысячным рабочим населением представляют целый городок с электрическим освещением, телефонами, рядами мастерских и линиями дековильки (узкоколейки. — С. Г.). Уже издали заводские трубы, круги ветряных двигателей, сеть электрических проводов, группы спящих рабочих, шум и движение заводской жизни говорят о неустанной деятельности и энергии людей, уверенно делающих большое и серьезное дело. Да, действительно, сколько надо затратить энергии, чтобы в сутки изготовить пять тысяч ящиков или 250 тысяч коробок консервов. Завод в прошлый сезон выработал свыше 150 тысяч ящиков консервов... Интересно отметить, что на дековильке движущую силу дают собаки, которые с радостным лаем вперегонку катят по рельсам тяжелые вагонетки с грузом и пассажирами.

Сам завод рыбу не ловит, а принимает ее от жителей по цене 35—45 коп. за штуку, что при сегодняшнем громадном ходе рыбы дало возможность населению заработать огромные деньги. Рассказывают

как достоверный случай, что старовер из селения Березовый Яр, промышляя с двумя сыновьями, сдавал заводу рыбы больше чем на 13 тыс. руб. в неделю. Денег у населения много и ценность они здесь теряют. Для того чтобы переехать через реку, я предлагал камчадалам по 20—25 руб. за перевоз, но мне отказывали, смеясь, что они сами, посылая за реку в заводскую лавку купить чего-нибудь на 10 руб., за перевоз платят 20—30 руб., чтоб только не терять времени» [58, № 127].

В середине июня 1918 г. Мильковский и Усть-Камчатский волостные советы сообщали в Петропавловск «о производимом хищническом улове рыбы в реке Камчатке» рыбопромышленником Демби. 2 июля 1918 г. областной совет решил обратиться к дальневосточному Совнаркому с просьбой «немедленно послать охранное судно для контроля рыболовных участков ввиду производимого хищнического улова рыбы, что может вызвать голодовку недоходом рыбы коренного населения». Предпринимателей же совет обязывал прекратить хищничество и «пользоваться неводами не длиннее 75 сажень». В противном случае он угрожал конфискацией всего имущества и привлечением к ответственности «вплоть до выселения» [57, № 40].

Похоже, что подобные угрозы заставили Демби озаботиться сбором доказательств социальной значимости его фирмы. 9 августа 1918 г. смотритель рыболовства района А. Н. Калмыков, ознакомившись «с экономической жизнью местного населения» в Усть-Камчатке, выдал ему следующее удостоверение:

«1. Что ход красной рыбы... весьма обильный; причем жители селения Усть-Камчатск и двух ближайших к нему селений Березового Яра и Черного Яра (в обоих селениях староверы) сдали рыбопромышленнику Г. Г. Демби более 615 000 штук этой рыбы, заработав в течение двухнедельного времени на одни рабочие руки, в среднем, до 2 000 рублей, а одна из семей с. Черного Яра — Герасимова, состоящая из пяти лиц: отца, двух сыновей и двух дочерей, ловившая исключительно своими силами, заработала 12 956 руб. 40 коп. ...

4. Что жители упомянутых выше трех низовых селений, а равно и верхних, которым Г. Г. Демби предлагал покупать у них кижуча по 35 коп. за штуку, не воспользовались этим предложением, отчасти потому, что лов кижуча труднее, чем других пород рыб, а больше потому, что заработок в 50 и более рублей в день их мало интересует...

6. В настоящем 1918 г. все селения долины р. Камчатки пользовались продуктами первой необходимости: мукой, рисом, сахаром, соляной, порохом, патронами, одеждой и пр. исключительно со складов

Демби, так как ни фирма Чурина, ни другие торговцы, обычно снабжавшие Камчатку, до конца августа сюда ничего не доставили, и население вынуждено было голодать, причем цены на продукты у Демби стояли ниже владивостокских...» [21, л. 48—48 об.].

Содержание этого «удостоверения» впоследствии неоднократно цитировалось в печати и официальных документах, поддерживавших рыбопромышленника.

Неподалеку от РКЗ беспорядочно раскинулся Усть-Камчатск, состоявший из пятидесяти убогих деревянных домиков, церкви, школы и нескольких частных лавок. В селении действовал кооператив. Неподалеку от него работали четыре промысла, на которых трудились члены кооператива и артели случайно собравшихся приезжих рыбаков.

Пришлые «элементы» нередко нарушали размеренную жизнь местных обывателей. В сентябре 1921 г. в Усть-Камчатске было неспокойно: происходили грабежи и драки, спровоцированные рабочими, являвшимися в большинстве своем бывшими солдатами каппелевской армии, привезенными на завод и рыбалки из Владивостока. Свыше сорока человек из них обратились к сельскому обществу с прошением о приписке на жительство. Собрание граждан от этого воздержалось. Волостной комитет просил областные власти «воздействовать на Демби в вывозе на зиму всех сезонных рабочих». В противном случае он не ручался за сохранность имущества фирмы [46, № 39, 44].

Активизация рыбопромышленной деятельности и, в частности, консервной промышленности, имела отрицательной стороной истощение рыбных ресурсов. Хищнический промысел рыбы, практиковавшийся некоторыми промышленниками, зачастую приводил к тому, что она не доходила до верховьев рек, обрекая местных жителей на полуголодное существование и вызывая их недовольство. Последнее нередко принимало весьма острые формы.

В феврале 1919 г. исполняющий должность управляющего областью И. Д. Добровольский телеграфировал министру внутренних дел Омского правительства о том, что «население, уже неоднократно возмущенное интенсивной эксплуатацией рыбы на устьях рек, пыталось сносить консервные заводы и промышленные рыбалки, и лишь голос общеобластного органа Камчатской области — комитета — удерживал население в рамках законности».

По мнению областных властей, «нерациональная постановка речного рыболовства и эксплуатация учреждениями и лицами, стремящимися лишь извлечь наибольшую выгоду от предприятий области,

привела к тому, что население [поселков], расположенных в верховьях рек, ежегодно ощущает недоход рыбы, вылавливаемой на устьях, и, лишаясь основы своего существования — рыбных продуктов для собственного пропитания, а также для кормления собак, ездовых домашних животных Камчатки, — разоряется» [34, № 161].

Выходом из создавшегося положения могла стать передача области права распоряжения речными и внеконвенционными водами, причем речное рыболовство на отдельных территориях должны были регулировать волостные комитеты. Общие вопросы организации надзора за правильностью эксплуатации водных ресурсов следовало оставить в руках правительства.

Как известно, в 1913 г. ГУЗиЗ, учитывая возможные последствия рыбного промысла в промышленных целях, обязало компании Демби — Бирича и Грушецкого построить по одному рыбопроизводному заводу. Выпуск первой партии молоди лосося планировался на 1914 г., но вследствие технических трудностей его отложили до 1915 г. По мнению рыбоведа А. Зандберга, «появление обоих рыбопроизводных заводов можно рассматривать только как формальное исполнение известного пункта контракта; своей цели они не достигали».

В 1916 г. завод на р. Большой выпустил 1 016 865 мальков, а на р. Камчатке — 6 882 479. В 1920 г. выпуск составил соответственно — 1 800 950 и 7 218 767 шт. С учетом того, что в этих реках и на прилегающих к ним морских участках вылавливалось приблизительно 15 млн лососей в год, этого количества было явно недостаточно. По нормам, существовавшим в то время в зарубежной практике, соотношение выпускаемой молоди к вылавливаемой рыбе должно было составлять один к десяти. Поэтому для возмещения потерь в две реки следовало выпускать ежегодно 150 млн мальков и «только в таком случае неприкосновенный запас рыбы можно считать гарантированным от истощения» [53, с. 47—49].

Деятельность рыбных промыслов и РКЗ являлась существенным источником пополнения местного бюджета. Сборы с них поступали в областную казну при различных политических режимах. Так, 3 февраля 1920 г. временный областной военно-революционный комитет постановил, что плату, получаемую от арендаторов промыслов, следует направлять в один из банков «с условием выдачи лишь необходимых сумм на государственные расходы по благоустройству и управлению Камчатской области и части расходов по Рыбному управлению. Остальная сумма должна храниться в банке и быть переданной

государству по ликвидации авантюр Семеновых, колчаковских и других и по установлении на территории России народовластия» [59, л. 18 об.—19].

Спустя полтора года, 2 августа 1921 г., уже областной народно-революционный комитет предписывал «ввиду состоявшегося перехода Камчатской области в ведение Советской России» все взносы за арендуемые промысловые участки теперь должны вноситься в Петропавловское казначейство. Размеры взносов в виде попутной платы устанавливались равными: за горбушу — 5, кету, нерку, кижуч — 10, икру — 15, консервы — 25, деликатесы — 50 коп. [46, № 39].

Последним сезоном фирмы Демби на Камчатке стал 1922 г. После окончательной советизации края арендный договор с ней не возобновлялся. В начале 1923 г. Дальрыбохота заключила договор с Центросоюзом на эксплуатацию двух участков: «одного рыболовного и одного засольного на реке Камчатке под названием “Нерпичий” и “Нижний”, находившихся до настоящего времени в арендном пользовании гг. Демби». Сам Центросоюз эксплуатировать эти участки не стал, а передал это право владивостокскому инженеру С. И. Перминову. Соглашение об этом, достигнутое 22 марта 1923 г., возлагало всю ответственность «за пользование всем имуществом прежнего арендатора и все расчеты по эксплуатации этого имущества» на нового владельца. От имени Центросоюза документ подписал его доверенный, управляющий владивостокской конторой В. Л. Бурыгин [70, л. 2—4].

Предполагалось, что Перминов будет производить и консервы. Однако это ему сделать не удалось, так как бывшие предприятия Демби были разрушены весенним землетрясением 1923 г. Катастрофе, произошедшей 14 апреля 1923 г., предшествовал ряд ударов стихии меньшей силы, начавшихся 5 февраля. 14 апреля в третьем часу ночи Усть-Камчатск был разбужен сильными толчками, длившимися несколько секунд и значительно повредившим жилища. Через четверть часа со стороны моря послышался сильный шум, эпицентр которого находился правее р. Камчатки по течению: на сушу наступали морские волны. Когда они достигли речной косы, на которой находились постройки участка «Нерпичий», в поселке услышали сильный треск и грохот рушившихся зданий. После этого шум стал постепенно уменьшаться.

Вот какую картину увидели перепуганные обыватели на рассвете: «Коса оказалась совершенно чистой от построек, которые были, очевидно, смыты и снесены гигантской волной; на том месте, где был Нерпичий завод, виднелась лишь какая-то бесформенная груда; здание же, где находилась радиостанция, уцелело: виднелось самое здание

с гордо развевающимся красно-революционным флагом. Юго-западную часть селения постигла такая же участь: некоторые дома были снесены волной до основания, другие полуразрушены, третьи залиты водой. Вообще эта часть селения в роковое утро представляла довольно безотрадную картину разрушения».

Лед на р. Камчатке был взломан, уровень воды в ней поднялся от волн, перекинутых через косу из моря. Она местами вышла из берегов, одновременно наблюдалось сильное течение из моря в реку и даже в оз. Нерпичье. Спустя значительное время течение реки поборол приток морской воды, и она постепенно пришла в нормальное состояние. Как выяснилось позже, река вскрылась на длине в полторы версты от старого устья и пробила себе новое устье рядом со старым.

Катастрофа имела следующие последствия: в Усть-Камчатке пострадали 45 мужчин, 25 женщин и 48 детей; в юго-западной части селения были разрушены шесть и сильно повреждены 12 домов, а также амбары, ледники и коптилки. Погибли 12 коров, 17 собак и 26 свиней, пострадали и пришли в полную негодность оружие, невода, сети и лодки, одежда и обувь, домашняя утварь, ценности (деньги и пушнина). Убытки населения оценивались в 58 408 руб. 95 коп. золотом.

Потери фирмы Демби, выразившиеся в разрушении старого РКЗ, всех построек промысловых участков, складов, значительных повреждениях нового завода, опередались в 2 млн руб. Уцелели зимние здания, крабовый завод, больница и неводной склад.

Убытки фирмы Ничиро, вызванные гибелью двух РКЗ (первого, находившегося в 10 верстах к западу от устья р. Камчатки, и второго — в 30 верстах от устья) вместе с плавучими средствами, составили около 3 млн руб. Не обошлось без человеческих жертв: погибло пятеро русских, пятеро китайцев и тринадцать японцев. Предприятие Демби потеряло служащих Озолина и Пузанова с супругой.

По сведениям, поступившим после катастрофы из Козыревска, аппаратура усть-камчатской радиостанции оказалась сильно поврежденной попавшими в здание льдами, в результате чего прямая связь с Петропавловском оказалась невозможной. Персонал станции уцелел.

По словам двух спасшихся японцев, они в течение восьми дней скитались по залитой водой тундре без пищи, пока случайно не набрали на жильё, где им оказали помощь. Несчастные бежали две с половиной версты от настигавшей их волны, которая с огромным шумом тихо двигалась вперед. Спаслись они только благодаря глубокому снегу, как губка впитывавшему воду и задерживавшему ее распространение [36, № 42, 94].

О судьбе японских заводов долгое время не удавалось получить точных сведений, так как к ним нельзя было приблизиться: разлившаяся по тундре вода сильно разжижила снег. Издалека на одном из них были заметны груды обломков, а на другом — ледяные заносы.

Из находившихся в Усть-Камчатске плавсредств унесло в море катер рыбного управления «Беринг». Далеко на берег выбросило катера комхоза губревкома и местного кооператива «Пента» и «Болиндер». Из шести катеров фирмы Демби четыре — «Чавыча», «Кета», «Кижуч» и «Чайка» — уцелели, но были вынесены на берег р. Нерпичьей и загромождены льдами. Третья часть кунгасов и барж, принадлежавших фирме, погибла.

Сразу же после происшествия местные власти организовали обследование берегов и нагроможденных на них льдов, из под которых начали извлекать продовольствие и товары первой необходимости, хранившиеся до катастрофы на складе Демби. Для питания населения, лишившегося продовольственных запасов, местный ревком организовал «столовые помощи пострадавшим».

Ресурсы, которыми располагали власти, были ограничены. Это заставило их обратиться к населению губернии с призывом: «Власть сделала все возможное, чтобы помочь пострадавшим гражданам от стихийного бедствия, но эта помощь недостаточна, ибо и сама власть небогата, поэтому было бы хорошо, если бы население Камчатки уделило бы из своих остатков маленькие крохи, и тем самым дало бы возможность легче изжить нагрянувшую неожиданно и негаданно беду».

Несмотря на то что колебания почвы продолжались до начала мая, жизнь в Усть-Камчатке со временем нормализовалась. Жители, спасавшиеся бегством в с. Нижне-Камчатском, вернулись, постепенно затихла начавшаяся было эпидемия ветряной оспы [36, № 45, 49].

Японское акционерное общество «Тайхоку Гио-Гио Кабусики Кайша» весной 1923 г. начало установку новых РКЗ на месте разрушенных и поврежденных. На работах были заняты свыше 2 000 чел., но к началу рунного хода лососа закончить их не удалось. Из-за того, что местному населению в начале сезона некому было сбывать пойманную рыбу, она свободно проходила вплоть до верховьев реки Камчатки. Такого явления не наблюдалось уже давно.

Японские заводы были восстановлены за два-три месяца. Их продукция в этом сезоне была существенно меньше предыдущего вследствие позднего пуска. Работы по консервированию в Усть-Камчатке в 1923 г. закончились 15 августа [36, № 71, 92].

В начале мая в Петропавловске получили известие, что 28 апреля из Хакодате в Усть-Камчатск вышел японский пароход «Хакусе-Мару», зафрахтованный фирмой Демби [36, № 46]. Однако ее разрушенные РКЗ не восстанавливались. С учетом того, что в 1923 г. у Демби закончился срок аренды промысловых участков, а продлевать его власти отказались, работа фирмы в районе р. Камчатки была остановлена. Так завершился начальный этап становления русской рыбоконсервной промышленности на Камчатке.

Деятельность фирмы Демби и других русских предпринимателей позволила отработать на практике организационную и техническую сторону рыбоконсервного производства, завоевать рынки сбыта. Часть ее старых специалистов в конце 1920-х гг. (В. А. Встовский, В. И. Волков, И. С. Саген и др.) работала на советских государственных заводах, передавая накопленный опыт следующим поколениям отечественных консервщиков.

6.5. КАМЧАТСКАЯ РЫБОКОНСЕРВНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

С началом гражданской войны, после того как Дальний Восток оказался отрезанным от европейских рынков сбыта, отечественные рыбопромышленники, лишившиеся кредитов, попали под влияние японского капитала. Основным местом реализации их продукции стала Япония, здесь же они получали средства для ведения промысла.

В 1919 г. на восточной Камчатке, по данным смотрителя рыболовства Дымского, работали три крупных РКЗ: «В районе р. Камчатки сосредоточены рыбные промыслы следующих трех крупных рыбопромышленников: Демби (фактически предприятие контролировал японский предприниматель Моритаке Исукэ. — С. Г.), Цуцуми Сейроку и “Ничиро Гио-Гио Кабусики Кайша”, у каждого имеется консервный завод, причем у Сейроку завод начал строиться с мая месяца и закончен постройкой до начала промыслового хода рыбы. Самым устаревшим заводом является завод Ничиро... На всех заводах были медпункты, где имелись японские врачи, оказывавшие помощь и русскому населению; у Демби имеется хорошо оборудованная больница».

Всего на морских участках Восточно-камчатского района в 1919 г. действовали двадцать промыслов, годовая арендная плата с которых составила 3 255 656 руб. Они добыли 647 690 пудов рыбы и произвели

306 000 ящ. консервов (Ничиро — 66 000, Цудуми — 90 000, Моритакэ Исуке — 150 000).

На РКЗ Моритакэ Исуке работали двое европейских и четырнадцать японских служащих, а также 407 рабочих. Еще 264 японца трудились на промыслах. У Демби имелось 894 чел., из них на заводе — 13 служащих и 269 японских рабочих. На промыслах и заводах Демби находился следующий руководящий персонал [37, л. 52—69]:

Владимир Андреевич Встовский — управляющий промыслом;
Леонард Иосифович Швалко — бухгалтер;
Иван Иванович Костин — помощник бухгалтера;
Франтишек Янович Малинек — помощник бухгалтера;
Карл Петрович Озолин — конторщик;
Евгений Иосифович Каа — заведующий засолкой рыбы и икры;
Евгений Евгеньевич Каа — конторщик;
Вячеслав Евгеньевич Каа — помощник при магазине;
Аркадий Михайлович Добронравов — приказчик;
Иван Петрович Леппялуото — механик;
Константин Фомич Решетников — приемщик рыбы;
Илья Степанович Романчук — приемщик рыбы;
Петр Николаевич Любченко — приемщик рыбы;
Георгий Иванович Николаенко — приемщик рыбы;
Николай Иванович Алексеев — приемщик рыбы;
Николай Сергеевич Кулешов — приемщик рыбы;
Иван Андреевич Норит — капитан;
Андерсон — инженер на новом заводе.

На западной Камчатке в сезон 1919 г. в районе рек Опалы и Большой японцы выпустили 53 493 ящ. консервов [38, л. 407]:

— компания «Юшущу Шокухин Кабусики Кайша» — 14 055;
— фирма «Ничиро Гио-Гио Кабусики Кайша» — 30 712;
— промышленник Хаками Синциро — 8 726.

В этом сезоне единственным русским фабрикантом на западной Камчатке, работавшим относительно самостоятельно, был С. Грушецкий. Его фирма на р. Озерной произвела 10 928 ящ. продукции общим весом 21 860 пудов брутто. Всего же за сезон эта компания выпустила 70 157 ящ. весом 140 314 пудов. Осенью она доставила в Хакодате 32 140 ящ. Как видно, мощность отечественных предприятий в этом сезоне не уступала японским.

В 1920 г. на восточной Камчатке, по данным помощника инспектора рыболовства В. М. Перрона, действовали четыре японских РКЗ:

— на участке № 238 Налычевский 3 компании «Камчатка Гио-Гио Кабусики Кайша»;

— на участке № 241а Камчатский 5 фирмы «Ничиро»;

— на участке № 243 Камчатский 2 компании «Юшуду Шокухин Кабусики Кайша»;

— на участке № 245в Камчатский 11 Моритакэ Исукэ.

Эти РКЗ выработали 359 388 пудов рыбных и 614 пудов крабовых консервов. Завод фирмы Ничиро на участке № 241а в этом сезоне был значительно расширен и улучшен. На нем стояли четыре линии, выпустившие 47 690 ящ. РКЗ компании Юшуду, расположенный в десяти верстах на юго-запад от устья р. Камчатки, также был существенно модернизирован. Он имел пять линий, заготовивших 62 693 ящ. Завод Моритакэ Исукэ подвергся незначительным переделкам. При нем работала жестяно-баночная фабрика. Четыре линии этого РКЗ произвели 62 655 ящ. лосося и 307 ящ. краба [37, л. 78, 83 об.—84].

Во внеконвенционных водах восточного побережья в 1920 г. работала фирма Демби, приготовившая для европейского рынка 103 024 пуда продукции [37, л. 80]. Ее предприятия к этому сезону были значительно расширены и отремонтированы. На них действовали четыре консервные линии.

Заводы Демби контролировали японцы. О том, как это происходило, свидетельствует отчет промыслового надзора: «Интересы заводов Моритакэ Исукэ на морском участке 245в и речного на Нерпичьем участке, принадлежащего Г. Г. Демби, настолько тесно связаны, что провести границу, где кончаются японские интересы и начинаются интересы русского арендатора... затрудняюсь. Оба эти завода по характеру обстановки, в смысле администрации и рабочих, почти ничем друг от друга не отличаются. Во главе администрации по двум заводам стоял японский подданный Сато (конечно, неофициально). Его одинаково можно было видеть отдающим приказы как в конторе Моритакэ Исукэ, так и в конторе Нерпичьего завода. Ясно, что если бы интересы этих заводов были различные, Mr. Sato оставался бы в какой-либо одной конторе.

Между заводом, расположенном на морском участке № 245в, принадлежащем японскому подданному Моритакэ Исукэ, и заводом русско-подданного Г. Г. Демби на Нерпичьем речном участке проведена декоவில்ка, что по существующим законам недопустимо. Правда, бывшему арендатору Крамаренко, а потом и А. Г. Демби, было разрешено приамурским генерал-губернатором Гондатти провести декоவில்ку

и телефон между речными и морскими участками только при условии, если таковые участки будут находиться в руках русско-подданных. В данное время все эти морские участки находятся в руках японского подданного Моритакэ Исукэ. Точно также эти два завода, а с ним и остальные морские участки арендатора, связаны между собою телефонной сетью, центральная станция которой находится в конторе завода на морском участке № 245в, то есть на участке японского подданного, что также может служить фактом общности интересов двух заводов, а, следовательно — и их предпринимателей. Катера, принадлежащие арендатору Г. Г. Демби, одинаково обслуживают нужды двух заводов, хотя ходят под русским флагом.

Фактом существования дековильки между заводами и телефонной сети между морскими участками и заводами могут воспользоваться и другие японские арендаторы, как мне один раз и намекнули в фирме «Юшущу Шокухин Кабусики Кайша», указав, что условия аренды морских участков для всех японцев одинаковы...

На всех речных участках арендатора Г. Г. Демби не было ни одного русского рабочего, промыслы обслуживались исключительно рабочими японцами и небольшой частью китайцев. Арендатор Моритакэ Исукэ совместно с арендатором Г. Г. Демби ежегодно заготавливают дрова в районе рыбообразного завода на Нерпичьем озере для отапливания зимних помещений и не выбирают на порубку билетов, что также является нарушением интересов казны...» [37, л. 84 об.].

К существовавшим в восточно-камчатском районе предприятиям в сезоне 1920 г. могло добавиться еще одно. 3 февраля 1920 г. новая областная власть — временный военно-революционный комитет — получила из Хакодате от Г. Суконнова известие о том, что Владивостокское рыбное управление разрешило некоему Кацману построить в Усть-Камчатске еще один РКЗ.

Комитет решил «протестовать против постройки... ввиду того, что в последнее время жители верховья этой реки (Камчатки. — С. Г.), как Ключевской, так и особенно Мильковской волости, терпят хронические недоходы рыбы, и тем самым разоряют и без того непрочные свои хозяйства жители указанных волостей. Постройка консервного завода лишь возможна самими жителями, объединенными в кооператив». Он высказывался за то, чтобы при решении столь жизненно важных для области вопросов должны присутствовать ее уполномоченные.

24 февраля 1920 г. комитет вернулся к вопросу о РКЗ, действовавших в неконвенционных водах. Он решил «запросить сельские комитеты,

в районе которых расположены таковые заводы, насколько они считаются полезным для населения эти заводы» [59, л. 27].

Практически полностью поглотив русскую промышленность, японцы активно конкурировали между собой. В 1919 г. фирма Сейроку Цуцуми, преобразованная в компанию «Юшущу Шокухин Кабусики Кайша», настраивала в Усть-Камчатске местных жителей, членов рыбацкого кооператива, и орган местного самоуправления — комитет общественной безопасности — против Демби (то есть Моритакэ Исуке), «склоняя население на сторону своей фирмы».

В 1920 г. у Демби заканчивался срок аренды участка «Нерпичий». Предполагая, что продление срока аренды может не состояться, «Юшущу...» повела «политику с населением и его представителем, так как ни для кого не секрет, что кооператив и Центросоюз, при современном положении транспорта и финансов страны, своими средствами не в состоянии удовлетворить даже предметами первой необходимости всей долины р. Камчатки». Этим она пыталась привлечь местное население на свою сторону.

Камчадалы же придерживались сугубо практических взглядов. По замечанию В. М. Перрона, «настроение и отношение населения сильно меняется от положения вещей и влияния извне... К этому, так сказать, их наталкивают обстоятельства и здравый инстинкт: с кем им в данный момент выгодно, к тому они и идут работать. Так, например, сделал Черный Яр. Он совершенно откололся от кооператива, стал работать с фирмой Г. Г. Демби, сдавать ей рыбу, и не раскаивается, так как некоторые рыбаки заработали более 2 000 иен за сезон...

К концу сезона, видя, что дела кооператива идут неблестяще, отдельные части населения небольшими группами стали откалываться от кооператива и переходить на сторону Демби, и сделались врагами кооператива. Правда, усть-камчатские общественные деятели назвали их элементом незрелым политически и несознательным, может быть, конечно, это так — судить не берусь — но факт практической точки зрения и обстоятельств сказался» [37, л. 86—87].

На западной Камчатке в 1920 г. консервы производили только заводы Грушецкого, выпустившие 103 204 пуда (51 000 ящ.) [38, л. 400, 439]. Похоже, что Грушецкий сдавал свои предприятия в аренду Центросоюзу. По сообщению «Известий Камчатского областного исполнительного комитета», Центросоюз «приобрел в Большерецке три морских и два речных рыболовных участка» и арендовал заводы, «где вырабатывается 50 000 ящиков рыбных консервов для русского рынка, для

чего им отправлены туда товары и продукты на зафрахтованных японских и Добровольного флота пароходах» [60, № 137].

В сезоне 1921 г. работа японских промышленников на западной Камчатке сопровождалась массовыми нарушениями правил рыболовства. Их основными видами являлись запрещенные рыболовной конвенцией прием рыбы от населения на реках, использование на участках двух неводов, самовольный захват промысловых угодий, торговля спиртом, скуп пушнины. «В начале мая японская фирма “Ничиро...”, не имея на то права, расставила по всему побережью, начиная примерно от р. Камбальной, в районах р. Озерная, Явино, Кошегочек, Гольгина, Опала и Воровская, крабовые сетки, и в течение, главным образом, мая и июня, интенсивно производила их лов. Пойманные крабы перерабатывались на консервы на находящихся здесь консервных заводах... В общем на всех заводах, по частным сведениям, было выработано более 10 000 ящ. крабовых консервов».

Из 101 участка только 19 эксплуатировались русскими. Но фактически два из них, принадлежавшие Центросоюзу, захватила фирма Ничиро, один не работал совсем. Из семи участков С. Грушецкого три были переданы японцам, а два бездействовали. Оставшиеся десять русских промыслов использовали общество «Астраханский Холодильник», предприниматели Шатик, Люри, Надецкий и Черкасский [38, л. 339 об., 341 об., 342].

Оба РКЗ Грушецкого продолжали работать. Их деятельность являлась существенной подмогой для жителей близлежащих селений. Экспедиция с продовольствием, отправленная в мае 1921 г. из Владивостока на западную Камчатку на пароходе «Кишинев», 20 июня прибыла в Озерную. Здесь она нашла положение с продуктами нормальным: население получало их со складов завода в обмен на рыбу, пойманную в реках [61, л. 3].

Оборудование морских промыслов в 1921 г. изменилось: часть РКЗ была ликвидирована ввиду убыточности (фирма Ничиро сняла три завода). Их оборудование перенесли на действовавшие предприятия. Всего в районе имелось двенадцать РКЗ, все они принадлежали Ничиро. Фирма приготовила за сезон 32 350 пудов консервов (около 16 000 ящ.) [38, л. 342].

В 1922 г. положение на усть-камчатских промыслах качественно не изменилось. Инспектор рыболовства Н. Н. Белов сообщал, что предприятие Демби снабжалось рыбой с трех участков: Нерпичьего, Верхне-Камчатского и Нижне-Камчатского. Последние располагались в

10 и 12 верстах от устья р. Камчатки. «Фактически же эти участки входят в одно предприятие под фирмой “Хокуо Гио-Гио Кабусики Кайша”, которое кроме этих участков в текущем году владело морскими участками 245в, 245г, 245е, 245ж и 245з. Названная японская фирма объединяет собой ряд японских капиталистов, куда входит и Моритаке Исукэ, арендатор [участка] 245в, и Г. Г. Демби. Во главе предприятий фирмы Хокуо стоит японец Танака, проживавший в течение сезона на Нерпичьем участке Демби. Кроме русской конторы, на Нерпичьем находилась и японская, которая являлась главным органом управления промыслом. Русская же контора вела расчеты и переговоры с крестьянами и сносилась с русской администрацией».

Завод Демби произвел в 1922 г. 43 698 ящ. полуфунтовых банок общим весом 87 395 пуда.

Фактическое отсутствие в районе промыслового надзора привело к небывалому хищничеству. «Несмотря на обилие рыбы, от которой ломались пристани на участках, не успевали ее перерабатывать не только завод Демби, но и завод Моритаке Исукэ, фирма не постеснялась открыть самовольно новый участок, в то время как часть лежавшей на пристанях рыбы испортилась и ее пришлось выбросить».

Не отставали от «Хокуо...» и конкуренты: компания Ничиро, «имея прецеденты 1921 г., учитывая русское бессилие и пользуясь покровительством местных властей в лице усть-камчатского волостного комитета», боролась с Демби в скупке рыбы от местного населения, не имея на это права. Ее «катера и кунгасы, как и у Демби, шныряли по всей реке». Японцы незаконно скупили до 800 000 шт. лососей.

В 1922 г. в конвенционных водах восточной Камчатки действовали четыре японских РКЗ: три в Камчатском заливе (на участках 241а, 243 и 245в) и один в районе р. Налычевой на участке № 238г. Точные сведения об улове рыбы, количестве выпущенных консервов и «вообще промысловой жизни морских участков, на которых в текущем сезоне работали исключительно японцы, получить не удалось, так как японские фирмы “Ничиро...” и “Хокуо...” дать их отказались, а других путей получить не имелось. Есть только приблизительные данные, получены косвенным путем...».

В соответствии с этими данными, два ничировских РКЗ заготовили около 200 000 ящ., а завод в пять линий фирмы Хокуо на участке 245в выпустил примерно 160 000 ящ. [37, л. 115 об.—120 об.].

На восточном побережье Камчатки в 1922 г. появился еще один русский РКЗ. 29 июля 1921 г. петропавловская городская дума под

председательством П. Т. Новограбленова рассмотрела и дала согласие на «заявление гр. Клочкова П. М. и Сычева П. Т. об отводе земельного участка под консервный завод и электрическую станцию» [62, л. 65]. Предприятие предполагалось разместить близ с. Соловарня, неподалеку от Петропавловска. Неизвестно, удалось ли запустить этот РКЗ в 1921 г., но в сезон 1922 г. он действовал, причем не только по прямому назначению: его электростанция снабжала город энергией. Об этом свидетельствует объявление, помещенное в городской газете 13 декабря 1922 г.: «Контора “Товарищества на паях консервного завода Клочкова и Сычева” просит граждан гор. Петропавловска внести в заводскую контору плату к 1 января 1923 г. за пользование электрическим освещением в 1922 г. с консервного завода. Не внесшие платы будут выключены из числа абонентов. Заводская контора на Соловарке» [63, № 48]. Сведений о количестве продукции, произведенной предприятием, и условиях, на которых оно действовало, не выявлено.

На западной Камчатке в 1922 г. во внекондиционных водах было выпущено (фирмой Грушецкого на р. Большой) 27 470 ящ. [38, л. 342].

На морских западно-камчатских участках в конвенционных водах приготовили 1 400 ящ. крабов и 28 085 ящ. лососей весом 58 970 пудов:

— фирма Ничиро на участке № 171 Воровской 15 — 1 400 ящ. крабов и 13 000 ящ. рыбы;

— торговый дом «Бринер и К^о» на участке № 171б Воровской 16 — 13 450 ящ.;

— С. Грушецкий на участке № 203 Большерецкий 5 — 1 635 ящ.

Для выпуска крабовой продукции Ничиро оборудовало в двадцати верстах к югу от р. Озерной специализированный завод.

Фактическое количество продукции было значительно выше указанного, так как японцы, как правило, «сведений не давали». Всего здесь работало двенадцать их РКЗ [38, л. 312 об., 327].

По окончании сезона 1922 г. часть японских заводов ввиду малой производительности и убыточности была закрыта, а их оборудование на следующий год появилось на других предприятиях.

В 1923 г. на морских участках Восточно-камчатского района после апрельского землетрясения остались два РКЗ, принадлежавших акционерному обществу «Тайхоку Гио-Гио Кабусики Кайша»: на участках № 245в и в десяти верстах к юго-западу от устья р. Камчатки. На последнем участке завод был построен в 1919 г. Оба предприятия вырабатывали 232 943 ящ. весом 336 417 пудов. Находившийся ранее на

участке № 241а японский РКЗ был разрушен. Летом на его территории находились лишь постройки временного типа [37, л. 130].

Весной и летом 1923 г. японцы построили еще один небольшой РКЗ на морском участке № 238г около р. Налычевой. Предприятие принадлежало фирме Ничиро. За неделю в июне оно изготовило более 300 ящ. продукции. Жители с. Налычево за ту же неделю сдали ему свыше 4 000 рыбин [36, № 72].

На западной Камчатке в 1923 г. работали десять РКЗ, все они принадлежали фирме Ничиро. В этом году японцы заготовили здесь 278 324 ящ. нерки и 55 626 ящ. горбуши. На восьми арендованных крабовых участках они поймали 742 855 шт. крабов. Их перерабатывали как на рыбо-, так и на специальных крабоконсервных заводах, которых насчитывалось три. Оборудованы они были «довольно примитивно, так как большая часть станков работала вручную с небольшой производительностью».

Промысловый досмотрщик кихчинского обхода С. Г. Столяров так охарактеризовал один из них. «Открытый в истекшем промысловом году японским рыбопромышленником Катагири Тарикичи... на морском крабовом участке консервный завод за весь сезон приготовил 1 739 ящ. консервов. Благодаря отсутствию хорошего оборудования и усовершенствованных машин, работы на нем производились ручным способом» [38, л. 260].

Компания С. Грушецкого продолжала работать на р. Большой и р. Озерной на заводах, каждый из которых имел по две линии. Первый мог выпускать до 2 000 ящ. в сутки, второй — до 1 600. Укладка мяса в однофунтовые банки производилась не вручную, как у японцев, «а механическим способом особой укладочной машиной». Ее, как и другое оборудование, произвела американская фирма «Фрезер и К°». Всего в 1923 г. Грушецкий изготовил 19 019 ящ. горбуши и 43 025 ящ. нерки. Из числа последней на долю озерновского завода пришлось 24 159 ящ. [38, л. 132—133]. В Большерецке в 1923 г. рыба шла хорошо. Уже в начале июля фирма отправила отсюда на пароходе ДФ «Симферополь» в Хакодате 250 бочек соленой рыбы, 1 500 ящ. консервов и 320 000 шт. рыбы сухого японского посола [36, № 72].

Владелец продолжал совершенствовать свои предприятия: на большерецком РКЗ в этом сезоне была достроена добротная крытая пристань с механическими приспособлениями, поднимавшими рыбу из кунгасов. Для этого они подводились прямо к заводу в небольшую искусственную бухточку [38, л. 293—295].

21 июля 1923 г. японские рабочие устроили здесь настоящий бунт, зарезав помощника сендо (управляющего). События разворачивались следующим образом. Один японец попросил помощника освободить его от работы по болезни. Врач признал обратившегося к нему симулянтом. Помощник избил рабочего и заставил его продолжать работу. На следующий день он скончался. Его товарищи в знак траура не стали выходить на работу. Пытаясь заставить их трудиться, помощник пустил в ход кулаки и палку. В ответ японцы бросились на него с ножами.

Вот как описывает происходившее далее один из очевидцев: «Вырвавшись от них, он побежал в больницу, а оттуда куда-то скрылся. Рабочие ворвались в больницу, отпустили несколько ударов кулаком и бамбуком доктору за укрывательство и с криком, полным фанатизма, бросились на берег моря, где одна группа рабочих стала разводить костры, а другая, рассыпавшись по всему промыслу, разыскивала спрятавшегося [помощника] сендо для того, чтобы бросить его живым в костер. Благодаря уговорам и увещаниям старшего сендо и некоторых других более благоразумных японцев, фанатизм рабочих несколько улегся. Помощник сендо был все-таки найден в одном помещении под нарами, откуда вытащен и во время избиения нанесли ему семь ножевых ран. Спустя некоторое время после расправы, все рабочие собрались и пошли с пением на могилу своего товарища почтить его память. Возвратились оттуда уже умиротворенные, принесли доктору (японскому) извинения за побои и разошлись, не пожелав выйти на работы».

О происшествии узнало японское военное командование. Немедленно к заводу пришли два миноносца для того, чтобы арестовать и отправить в Японию зачинщиков бунта. Промысловый досмотрщик Северо-большереецкого обхода объявил им о том, что раз преступление произошло на территории СССР, то они не могут сами арестовывать виновных, так как это будет нарушением суверенитета. Видимо, его предупреждение подействовало, так как корабли ушли в море. Следствие по делу вел начальник милиции Большеерецкой волости.

Происшествия на этом не закончились. В этот же день началась забастовка русских рабочих. Они потребовали увеличения тарифной ставки до 210 руб. за сезон продолжительностью три с половиной месяца. При этом месячная оплата вместо 33,5 руб., согласно заключенному во Владивостоке трудовому договору, должна была составить 60 руб. Забастовщики пытались склонить на свою сторону и рыбаков, ловивших на участках Центросоюза, но те отказались присоединиться

к ним. Забастовка длилась два дня. Администрация завода, боявшаяся потерять драгоценное промышленное время, согласилась увеличить выплаты до 57,5 руб. золотом в месяц [38, л. 203—205].

1923 г. стал для большевецкого завода Грушецкого последним промысловым сезоном [19, с. 5].

Летом 1924 г. численность японских предприятий в Камчатском заливе выросла до трех: заработал завод, разрушенный в 1923 г. [37, л. 251—251 об.]. Два РКЗ имели по пять линий и один — четыре. Они произвели в сумме 164 479 ящ. общим весом 393 017 пудов. Все РКЗ принадлежали компании «Тайхоку Гио-Гио Кабусики Кайша». Их хозяйство оценивалось в 1 903 462,17 руб. Кроме них действовал РКЗ фирмы Ничиро, построенный в прошлом году в районе р. Налычевой. Выработка на нем была крайне незначительной — всего 2 000 ящ. Поэтому в конце сезона его ликвидировали [37, л. 203].

Всего одиннадцать РКЗ фирмы Ничиро на западной Камчатке в 1924 г., произвели, ящ.: 176 206 нерки, 257 389 горбуши, 399 кижуча и 25 313 крабов [38, л. 126—130].

В этом году здесь работало только одно предприятие Грушецкого — завод на р. Озерной. Второе — на р. Большой — бездействовало. Причиной этого стал переход участка в ведение государственного предприятия — Охотско-Камчатского акционерного рыбопромышленного общества (ОКАРО), — не подготовившего его к работе. В связи с этим фирма Грушецкого смогла выпустить немногим более 24 тыс. ящ. нерки в однофунтовых банках. Вся продукция завода ушла на экспорт «за отсутствием емкого русского рынка, а также из-за кредитования в Японии» [38, л. 123 об.].

Одной из задач ОКАРО, организованного в мае 1924 г., стало постепенное вытеснение из рыбной промышленности частного капитала. Способом достижения этого могло стать акционирование. Представитель Грушецкого внес правлению ОКАРО предложение о совместной эксплуатации заводов, но договориться об этом не удалось.

По замечанию председателя правления ОКАРО В. Л. Бурьгина, акционирование необходимо было проводить так, «чтобы фактически хозяевами были мы, а не частный капитал. Условия же Грушецкого говорят совершенно противоположное. Кроме того, завод Грушецкого на р. Большой не представляет ценности ввиду необходимости строить [его] заново. Завод на Озерной в сносном состоянии, но надо учесть, что он находится на реке преимущественно горбушечной, и если уж затрачивать капитал на постройку завода, то целесообразно это сделать

с таким расчетом, чтобы завод оправдывал себя, и на такой реке, которая дает вполне подходящее количество красной рыбы, как, например, на р. Охоте или в Усть-Камчатске» [64, л. 307].

Член правления ОКАРО К. И. Воронов, осмотревший в 1924 г. завод Грушецкого на р. Большой, также нашел, что «общее состояние построек завода в данное время весьма неудовлетворительное. В течение истекшей зимы, благодаря обильным снежным осадкам, крыши в некоторых местах сломались и кое-как наскоро подремонтированы. Кое-где стропила также надломались, и в наступающую зиму, даже при незначительном снежном покрове, крыша в этих местах провалится. При таких условиях, чтобы в будущем сезоне завод пустить в ход, потребуется капитальный ремонт построек. Вообще же самое здание завода не производит солидного впечатления. Крыши по большей части деревянные и только кое-где железные. Опорные столбы внутри здания слабые, стены из полудюймовых досок и везде просвечивают».

Главное деревянное здание завода имело площадь около 600 кв. саженей. В нем могли поместиться три консервные линии, остальное пространство использовалось как склад.

Оборудование предприятия состояло из шести автоклавов вместимостью по 4 000 банок, трех эксгаустеров, трех моек, двух прессов для предварительной укупорки банок и трех прессов для их окончательной закатки, охладителя консервов. Каждая линия была снабжена автоматическими весами и набивочными машинами. Разделка и резка рыбы производились двумя станками, приводившимися в действие паровым двигателем. Завод снабжался паром от трех котлов. В сезон 1924 г. он не действовал, часть механизмов была снята, часть — утрачена.

Вполне возможно, что ОКАРО сознательно занижало ценность предприятия, дабы облегчить овладение им. Вот описание, отличное от приведенного выше, датированное 1925 г.: «Один из этих заводов на р. Большой, несмотря на то, что в течение двух лет завод не работал, все же носит на себе отпечаток образцового предприятия заводского типа. Усовершенствованные и прочные корпуса, лучший туковый завод, оборудование и содержание за счет предприятия рыбоводного завода, все это свидетельствует о стремлении поставить дело на экономически правильных и прочных началах.

На обоих заводах Грушецкого работало до 400 чел. русских рабочих. Сохранились следы, доказывающие стремление владельцев разрешить вопрос снабжения рабочих свежим мясом — путем разведения рогатого скота и свиней, используя для последних рыбные отбросы,

а также свежими овощами и корнеплодами, выращенными на огородах около заводов. Обычно овощи приходилось возить на Камчатку из Японии и нашего Приморья» [19, с. 5].

ОКАРО рассматривало возможность пуска этого завода, в результате чего на Камчатке уже в 1924—1925 гг. могло появиться первое государственное рыбоконсервное предприятие. Однако это было признано нецелесообразным из-за сложности и дороговизны восстановления оборудования и помещений, а также почему-то — из-за отсутствия достаточной сырьевой базы. ОКАРО полагало, что на речных участках выловить требуемое количество наиболее ценных лососей — нерки — возможным не представлялось, а консервы из горбуши могли не найти на иностранном рынке потребителя. «Чтобы пустить в ход консервный завод... необходимо иметь ряд морских участков, с которых и собирать красную. В настоящее время мы здесь располагаем только одним морским участком, следовательно, необходимо получить другие участки, которые в настоящее время находятся в аренде у японцев» [64, л. 343—345].

Более подходящими местами для размещения завода ОКАРО считало р. Охоту и Камчатку. На последней спустя три года и был пущен первый государственный РКЗ.

В 1925 г. на западной Камчатке вновь работали двенадцать РКЗ. Последний из них в две линии на участке № 1826 в этом сезоне построила фирма Ничиро. Еще два завода были модернизированы: на участке № 201 установили третью линию, на участке № 230 — шестую. Все двенадцать заводов произвели 294 794 ящ. (185 352 нерки, 103 838 горбуши, 5 194 кижуча, 410 кеты) общим весом 393 625 пудов.

Кроме японских, работал советский государственный ККЗ Дальморепродукта, располагавшийся на участке № 35. Он выпустил 6 596 ящ. весом 8 786 пудов. Японские РКЗ также до начала хода лосося обрабатывали крабов. Консервов из них было изготовлено 22 454 ящ. или 29 906 пудов [38, л. 16, 22—28].

12 июля 1925 г. промысловый надсмотрщик Южно-Большерецко-го обхода М. С. Леонов «в присутствии доверенного краболовного участка за № 37 Большерецкий 2, расположенного между 25-й и 30-й верстами, Ямада Каура составил акт о нижеследующем. Лов и обработка крабов в консервы на вышеуказанном участке закончены 12 июля 1925 года. Выловлено крабов 38 651 штук, приготовлено консервов 2 481 ящик...» [38, л. 58].

В восточно-камчатском районе в 1925 г. действовали все три японских РКЗ. Они входили в фирму Ничиро, поглотившую конкурентов и

ставшую монопольным пользователем камчатских вод. Заводы располагали семнадцатью поточными консервными линиями и двумя конвейерами по изготовлению банок.

Фирма оценивала стоимость своих заводских построек в 1 659 086 руб. На ее промыслах находились шестнадцать моторных и два паровых катера стоимостью 312 350 руб., 142 кунгаса общей грузоподъемностью 1 247 т на сумму 126 861 руб. и 26 ставных неводов. Все имущество Ничиро в районе Усть-Камчатска стоило 2 205 065 руб. На РКЗ трудились 1 327 японцев: 1 218 рабочих, 65 технического персонала, 44 администратора. Консервов они выработали 278 022 ящ.

Для сравнения: работавшее здесь второй сезон ОКАРО располагало одиннадцатью постройками, пятью катерами, пятью кунгасами, одной паровой лебедкой и одним ставным неводом общей стоимостью 126 130 руб. [37, л. 219 об., 221].

Собственный опыт ОКАРО по консервированию был весьма скромным: в 1925 г. оно располагало одним предприятием — ККЗ в б. Тафуин, находившимся в 45 милях от Владивостока. На нем приготовили 454 ящ. на сумму 16 200 руб., отправленных в Россию, и 1 500 ящ., проданных за 33 000 долларов в США [65, л. 71—72].

Штат ККЗ осенью 1925 г. насчитывал 86 чел. (77 рабочих и 9 служащих). Кроме тафуинского завода, к ОКАРО в конце 1925 г. от Дальгосрыбпрома перешло все имущество бездействовавшего ККЗ на р. Светлой, находившегося в 310 милях от Владивостока [66, л. 3—4].

Русские частники в этом сезоне на Камчатке консервы практически не производили. Фирма Грушецкого свернула свою деятельность на последнем заводе в Озерной, а один из пионеров отечественной рыбконсервной промышленности — Г. А. Менард — на арендованном участке на р. Колпаковой занимался только засолкой. Единственным исключением стал М. В. Чиликин, который на р. Облуковиной изготовил в кустарных условиях 545 ящ. горбуши и гольца [67, л. 141].

В отчете окрревкома за 1926 г. указывается, что округ «ни государственной, ни окружной, ни районной промышленности не имеет, за исключением консервных заводов, которых по данным Окрфо в сезон 1926 г. имелось восемнадцать. Все эти заводы, за исключением двух, принадлежат японцам и работают только в летний сезон» [68, л. 38].

В сезон 1926 г. японцы изготовили на восточной Камчатке 389 611 ящ. консервов: 302 655 нерки, 76 027 кижуча, 482 голов кижуча, 10 447 кеты. На трех здешних заводах, по-прежнему имевших семнадцать линий, и промыслах работали 2 525 чел. [37, л. 251—251 об.].

Развитие консервной промышленности внесло существенные изменения в структуру и качество производимых на Камчатке рыбопродуктов. В табл. 6.6 приведены данные, характеризующие объем и стоимость товаров, приготовленных в 1911—1926 гг.

Таблица 6.6

Годы	Объем рыбопродуктов		В среднем за год	
	тонн	тыс. руб.	тонн	тыс. руб.
1911—1914	261 924	77 094	65 481	19 273
1915—1919	424 911	137 328	84 982	27 466
1920—1924	464 811	167 167	92 962	33 433
1925—1926	166 223	58 644	83 112	29 322

Как видно, в 1911—1914 гг. стоимость тонны продукции, в среднем, составляла 294,3 руб. (в условных ценах 1926 г.), а в 1926 г. она выросла до 352,8 руб., то есть в 1,2 раза. Такое увеличение было вызвано совершенствованием способов обработки сырца. Изменение стоимости различных продуктов (в процентах) от общей стоимости всего улова в течение рассмотренного периода показано в табл. 6.7.

Таблица 6.7

Годы	Засол	Икра	Тук и жир	Консервы
1911—1914	78,1	12,3	0,1	9,5
1915—1919	65,5	3,7	0,1	30,7
1920—1924	53,8	3,1	0,1	43,0
1925—1926	36,1	7,4	0,5	56,0

Здесь явно прослеживается тенденция к росту производства более качественной и дорогостоящей продукции — консервов [49, с. 54—55].

Количество отечественных и японских рыбо- и крабоконсервных заводов на Камчатке в 1910—1926 гг. и объем произведенной ими продукции приведен в приложении 6.1.

6.6. УСТЬ-КАМЧАТСКИЙ ПРОМЫСЛОВЫЙ РАЙОН И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РКЗ

Усть-Камчатский промысловый район, включавший р. Камчатку и находившиеся от нее по обе стороны морские рыболовные участки, с начала XX в. считался важнейшим во всем Охотско-Камчатском крае. Рыболовный сезон здесь начинался на месяц-полтора раньше, чем в остальных районах. Благодаря этому его продукция поступала на рынки сбыта первой, что давало возможность получить за нее наиболее высокую цену. Это обстоятельство в первую очередь оценили японцы,

которые после русско-японской войны 1904—1905 гг. приступили к его планомерному освоению. В 1926 г., перед появлением первого отечественного государственного РКЗ, их наиболее крупное рыбопромышленное акционерное общество «Ничиро Гио-Гио Кабусики Кайша» имело здесь три своих завода и 14 морских рыболовных участков [69, л. 14].

В 1923 г. Центросоюз заключил с владивостокским управлением Дальрыбохоты договор на эксплуатацию участков «Нерпичий» и «Нижне-Камчатский» до этого находившихся в аренде у Демби. Сам Центросоюз работать на них не стал, а передал право аренды С. И. Перминову, ставшему посредником между местным населением, ловившим рыбу, и принимавшими ее японскими заводами.

По данным председателя районного рыбосовета С. И. Жукова, в сезон 1923 г. в районе Усть-Камчатка японское акционерное общество «Тайхоку Гио-Гио Кабусики Кайша» арендовало 12 морских участков, на которых оно добыло 2 228 582 шт. лососей. Кроме этого, общество скупило на реке 1 796 095 свежих рыбин. Из собственного улова и купленной рыбы японцы выпустили 222 943 ящ. консервов, засолили 649 983 шт. лососей, а также приготовили икру, жир и тук [70, л. 2, 5].

В отчете губбюро РКП(б) за зиму 1923—1924 гг. указывалось, что в районе Усть-Камчатка имелись три рыбоконсервных завода, из которых летом действовали два. Впрочем, точных сведений о количестве заводов на Камчатке в тот период губбюро не имело: по одним его данным их было 23, по другим — всего 17. «В Петропавловске нет точных сведения о действительном количестве заводов иностранных и русских...» Работа заводов носила сезонный характер, зимой они не действовали, а лишь охранялись русскими или японскими сторожами. Губернские власти, характеризуя японские предприятия, отмечали, что они строятся «очень быстро и легкой строительной конструкции. Местные предприниматели говорят, что это дело самое прибыльное. Организация завода... стоит иногда не свыше 10 000 руб., причем затраченный капитал возвращается, якобы, в первый же год работы» [18, л. 15—16].

ОКАРО, начавшее действовать на Камчатке в 1924 г., в районе Усть-Камчатка работало на двух речных участках. Принадлежавший ему морской промысел сдавался в субаренду фирме Тайхоку, выплачивавшей за это компенсацию в размере 36 333 руб. и 30 000 иен. Улов сдавался на японские рефрижераторные суда и РКЗ.

На промыслах ОКАРО работали 342 русских и 313 японца, а так же девять промысловых служащих [42, с. 146—147]. В этом сезоне ОКАРО, по данным помощника заведующего рыбными промыслами Г. Хлыновского, добыло в Усть-Камчатске 1 864 000 шт. лососей. Улов, в основном, был сбыт в Японию, на советском рынке общество понесло убытки. В итоге за сезон по району оно получило незначительную прибыль — всего 26 тыс. руб. [71, л. 24]. В 1925 г. ОКАРО начало эксплуатировать морской участок № 241, но и в этом году из недостатка капитала для организации производства собственной продукции оно вынуждено было часть улова сдавать японцам [69, л. 15].

Вопрос о создании мощных государственных РКЗ был поставлен в том же 1925 г. В «Докладе о ближайших мероприятиях по улучшению деятельности рыбопромышленности Камчатки» в качестве первоочередных мер назывались совершенствование оборудования промысловых участков с предположительными затратами на это 130 000 руб. и «на оборудование консервного завода на реке Палана (американского типа) — 10 000 руб...» Помимо этого, необходимой считалась постройка заводов «и в таких богатых промысловых районах, как Больше-рецьк и Усть-Камчатск, что также необходимо включить в перспективную смету...» [72, л. 16—17].

Правление ОКАРО для расширения объемов производства, повышения рентабельности продукции и продвижения ее на иностранные рынки обратилось к правительству СССР с ходатайством о необходимости постепенного перехода от изготовления соленой рыбопродукции для Японии, Китая и внутреннего рынка к производству лососевых консервов. С этой целью оно «возбудило» перед ВСНХ и своими акционерами «вопрос о постройке или покупке собственных консервных заводов: в первую очередь в Усть-Камчатске и во вторую — в Озерной на западном побережье Камчатки». Вопрос о создании первого завода был «разрешен центром и акционерами утвердительно, на постройку или приобретение завода и на увеличение оборотных средств для его эксплуатации разрешен долгосрочный кредит из займа хозяйственного восстановления» [66, л. 167].

Правительство, согласившееся с предложениями ОКАРО, ассигновало ему сумму в размере 800 тыс. руб. на сооружение в Усть-Камчатске первого отечественного государственного РКЗ. Для обеспечения его деятельности во Владивостоке решено было создать жестянобаночную фабрику (ЖБФ). Оборудование обоих предприятий при посредничестве Амторга намеревались заказать в США, а узкоколейные

железные дороги — в Японии. По плану ЖБФ следовало пустить в январе, а РКЗ — в мае 1927 г. [73, с. 34].

В планах на 1926 г. ОКАРО намеревалось «затратить 300 000 руб. на частичную уплату за имеемый быть купленным консервный завод и оборудование жестяночного завода. Расход будет произведен из займа на хозяйственное восстановление». К этому времени предложение правления общества правительству СССР «о развитии дела путем эксплуатации собственных рыбоконсервных заводов уже вынесено, рассмотрено и в части первого завода в Усть-Камчатске разрешено в благоприятном для общества смысле» [66, л. 5].

Летом 1926 г. в районе Усть-Камчатска развернулись работы по постройке первого советского государственного РКЗ: была приготовлена площадка и на нее завезены материалы и лебедки [37, л. 251 об.]. В следующем сезоне начались основные строительные работы и летом 1927 г. завод дал первую продукцию.

2 сентября 1925 г. помощник управляющего рыбными промыслами Г. Хлыновский докладывал секретарю камчатского губбюро РКП(б) Д. С. Бузину о возможных кандидатах на место управляющего будущим заводом. Среди них были технолог Д. С. Елисеев и заведующий факторией ОКАРО В. И. Волков. Первый закончил рыбохозяйственное отделение Тимирязевской академии и был знаком с постановкой рыбоконсервного дела на японских предприятиях. Второй, опытный рыбопромышленник, характеризовался как «превосходный знаток рыбного дела, недурной организатор, относящийся к порученному ему делу со старанием», но грубый с населением и не умеющий работать «с советскими, в особенности с профсоюзными органами» [74, л. 21].

В конечном итоге весной 1927 г. управляющим РКЗ был назначен Волков, а Елисеев стал заведующим производством.

В начале 1920-х гг. в районе, в среднем, ежегодно добывалось около 4 500 000 шт. лососей. Из них 2 000 000 — на реке, а 500 000 — на морских участках ОКАРО № 241 и 243. «Таким образом, мы, имея в своих руках более половины сырья, уже можем начать вытеснение японцев из этого района, если будем иметь возможность обработки этого сырья, для чего в первую очередь необходим консервный завод», — делал вывод Хлыновский.

Завод этот, по его мнению, был необходим не только по экономическим, но и по политическим соображениям. Государственное предприятие ОКАРО, выступая в качестве посредника, передававшего добытую рыбу японским промышленникам, являлось для местного